

Небо в рублях

Автор:

Дарья Донцова

Небо в рублях

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #26

Кто бы мог подумать, что обычный поход за автографом писательницы Милады Смоляковой обернется для Даши Васильевой новым делом?! В один прекрасный день она узнает: детективщица пропала. Этот факт тщательно скрывается, но Дашу не проведешь. Она даже готова наняться прислугой в дом Смоляковой, лишь бы напасть на след! И пыль протрет, и дорожки подметет, а заодно... пару трупов найдет. Расследование набирает обороты! Если бы его только не тормозили родственники Даши, с которыми вечно что-то происходит. Но у любительницы частного сыска всегда найдется какой-нибудь маленький секрет, способный помочь в трудной ситуации. Например, система «Юнистрим»...

Дарья Донцова

Небо в рублях

Глава 1

Брак может быть неудачным, а развод никогда. Меня всегда удивляло: ну почему люди, сбросив с себя тяжелые, тяготящие их путы супружества, не отмечают широко это радостное событие? И вообще, вот где непаханое поле деятельности для предприимчивого бизнесмена: агентства по расторжению

браков в нашей стране нет. Сумей я организовать подобную контору, для начала наняла бы штат разнообразных сотрудников, от адвокатов до психологов. И обязательно музыкантов – на мой взгляд, «живой» оркестр лучше магнитофона, даже если он «крутит» запись самого великолепного концерта. Нет, только представьте: люди, решившие разорвать отношения, просто приходят в разводную контору и отдают документы. Все. Дальнейшее происходит без их участия, нет томительных очередей к судье или служащей загса. И никто не вещает вам с умным видом:

– Девушка, семья – это серьезно. Коли расписались – теперь пытайтесь жить вместе... Попробуйте помириться...

И с бывшим любимым общение сведено к минимуму, и имущественные споры не заставят вас нервничать. Через энное количество времени бывшую пару просто позовут в красиво обставленную комнату, где в самой наиторжественной обстановке, под звуки прекрасной музыки вручат необходимые документы. Шампанское, цветы, конфеты, поздравления.

В некоем роде день разрыва отношений счастливее, чем момент заключения барка. Вы побывали в заключении, а теперь вновь обретаете свободу. Впредь станете умней, поймете, что семейная жизнь мало чем отличается от каторги. Ну, разве что в первый месяц еще ничего, а потом...

Я села на раскладушке и потрясла головой. Ну и глупости порой приходят в голову! А все потому, что валяюсь на диване в полнейшей тоске. Прежде всего не радует погода. А ведь в мае синоптики с пеной у рта утверждали:

– Господа, закупайте купальники и самые сильные средства от солнечных ожогов! Нас ждет невероятно засушливое, просто удушливое лето! Расплавится асфальт, растрескаются подметки у обуви, высохнут водохранилища...

Информация о невероятном зное была такой навязчивой, что большинство москвичей в нее поверило и предприняло адекватные меры. К концу мая столица опустела. Вернее, утром и днем на улицах, как обычно, возникали пробки, но к вечеру заторы перемещались на пригородные шоссе. Ожидавшие наступления песчаных бурь и суховеев, наивные, одураченные метеорологами граждане спешили на свои собственные или снятые в преддверии апокалипсического зноя фазенды. Производители косметики и купальных принадлежностей потирали

руки – они уже продали многомесячные запасы тюбиков, баночек, флакончиков и тряпочек на завязках, но покупательский спрос не падал, и посему они предвкушали гиперприбыли. В приподнятом настроении находились торговцы темными очками, и не скрывали радостного возбуждения продавцы газировки и мороженого. Да и сами москвичи, соскучившиеся по солнышку, приговаривали:

– Вот здорово, наконец-то погреем косточки, поедим шашлыка на природе,купаемся в речке!

Двадцать девятого мая Зайка уехала в Киев к матери и детям. Близнецы с няней укатили в столицу Украины еще в начале месяца. Меня любимая невестка звала с собой, пугая нестерпимым зноем, который скоро обрушится на Москву, но я не очень люблю жить у чужих людей, поэтому категорически отказалась, сославшись на необходимость походов к стоматологу.

Слава богу, зубы у меня в порядке, вернее, одна половина из них давным-давно из металлокерамики, а вторая надежно прикрыта коронками. Господи, благослови человека, придумавшего виниры, низкий ему от меня поклон! Тот, кто, как я, долгие годы ходил лечить зубы в районную стоматологическую поликлинику и получал пломбы из цемента, очень хорошо сейчас меня поймет.

Конечно, врать некрасиво, но я тоже решила отдохнуть – в одиночестве, при полнейшем спокойствии. Маша еще пятнадцатого мая улетела в Париж: девочке удалось пристроиться на работу в частную ветклинику, где охотно берут на лето студентов и школьников, решивших стать Айболитами. Все летние месяцы Манюне предстоит состоять санитаркой при докторе. Она будет мыть полы, операционный стол и помогать при выполнении нехитрых процедур. Наверное, кому-нибудь проведение долгожданных каникул подобным образом может показаться отвратительным, но Маня в восторге, она мечтала посмотреть, как ведет прием доктор Жюль Соварен, и набраться опыта.

Аркадий укатил в Екатеринбург: у нашего адвоката на Урале появился клиент. Завершив процесс, Кеша, не заезжая в Москву, двинется к Зайке в Киев.

Самым последним, неделю назад, укатил Дегтярев. Александр Михайлович направил стопы в Лондон, где его ждали английские коллеги. Для меня остается загадкой, каким образом полковник станет общаться с «бобби»[1 - «Бобби» – прозвище полицейских в Лондоне.]: мой приятель способен произнести на языке

Шекспира всего две фразы – «Май нэйм из Алекс» и «Ай донт спик англиш, ай фром Раша», то есть назвать свое имя и сообщить, что он из России и по-английски не говорит. Впрочем, по-французски тоже. Язык Вольтера и Гюго я упорно вкладывала в его голову, но он столь же методично вываливался назад. Либо я плохой преподаватель, либо ученик туп, как пробка. Мне, конечно, больше по душе второе предположение. В общем, согласитесь, Дегтярева трудно назвать полиглотом.

Но я не ехидничаю и не намекаю полковнику на его редкостную неспособность к постижению иностранных языков, мне очень не хочется с ним ругаться. Кстати, должна отметить, что у Александра Михайловича довольно вздорный характер, он ни за что не признается в собственных недостатках или ошибках. Вот вам живой пример.

В начале февраля я поехала в ЦУМ, где началась гигантская распродажа зимних вещей. Можете считать меня жадной, только перспектива заплатить за одежду в два раза меньше ранее объявленной цены очень радует.

Пошлявшись по этажам, я устала и уже хотела ехать домой, но тут зазвонил мобильный и в ухо влетел сердитый голос Дегтярева:

– У меня сломалась машина! Где ты шляешься?

подавив желание задать вполне резонный вопрос: «Если у тебя накрылся автомобиль, то почему ты злишься на меня?», я мирно ответила:

– По ЦУМу хожу. Вернее, уже домой собираюсь.

– Это где?

– Что где? ЦУМ? – удивилась я. Александр Михайлович всю жизнь обитает в Москве, кроме того, он работает в милиции, право, странный вопрос. – Ты не знаешь, где расположен один из главных магазинов столицы?

– Нет.

– Ничего себе! Ну так вот, он находится на Петровке.

- Она длинная, место назови, скажи номер дома.
- Я его не знаю. Напротив Большого театра.
- Ага! Ладно, сам найду, жди, подойду к машине! – рявкнул полковник.
- Постой! – закричала я. – Свой «Пежо» я оставила на Неглинной.
- Где?
- У ЦУМа. На Неглинной улице.
- Ты же сказала, что лавка расположена на Петровке! – возмутился полковник.
- ЦУМ – не крохотный бутик, а здоровенный многоэтажный центр, он имеет несколько входов. Один с Петровки, другой с Неглинной. Ясно?
- Угу, – буркнул Дегтярев и отсоединился.

Я, обвешанная пакетами, рысью кинулась к «пежульке». У приятеля боевое настроение, если я позже его доберусь до машины, то всю обратную дорогу до дома мне придется слушать бубнеж на тему «Бабы никогда не смотрят на часы».

Бежать с руками, судорожно удерживающими кучу покупок, оказалось весьма непросто. Сначала я уронила часть свертков и с трудом снова подхватила, потом застряла в контрольных воротцах у самого выхода – мигом запищали датчики. От стены отлепился мрачный парень в черном костюме и вежливенько так попросил:

- Чеки покажите!

Я стала рыться в пакетиках, расставив их на полу около ног, потом юноша принялся методично изучать мои покупки, сличая их с чеками. В общем, на парковку я принеслась в твердой уверенности, что сейчас увижу красного и потного от злости Дегтярева, измеряющего шагами асфальт возле «Пежо». Но, к огромному облегчению, оказалась у своего верного коняшки первой.

Сев за руль, я только-только перевела наконец дух, как раздался стрекот мобильного.

– Ты где? – заорал Дегтярев.

– Жду тебя.

– Где?

– На парковке, у ЦУМа, со стороны Неглинной.

– Где?

Я растерялась.

– Где? – тупо твердил полковник. – Уже бог знает сколько времени я прыгаю около твоей машины!

Я вышла наружу, огляделась и ответила:

– Извини, не вижу тебя.

– Аналогичный случай и со мной! – завопил Дегтярев. – Где находишься?

– Около «Пежо»!

– Тебя там нет.

– Милый, а ты сам где?

– У ЦУМа, возле идиотской «букашки» серебряного цвета. Интересно, в каком алкогольном бреду французы спроектировали этого уродца?

Мне стало обидно. Возникло большое желание с достоинством ответить: «Обладателю черного, вечно ломающегося «Запорожца» не следует грубо критиковать чужие, вполне бодро крутящие колесами транспортные средства».

Но, пару секунд помолчав и слегка остыв, я решила проявить разумность и попросила:

– Дорогой, посмотри на номер «Пежо».

– Зачем? И так ясно, что он твой! Здесь один подобный экземпляр!

– Да? – изумилась я, глядя на еще два совершенно таких же произведения французской автомобильной промышленности, стоявшие буквально в двух шагах от меня. – Интересно!

– Это мне интересно! – заорал полковник. – Сколько можно охотиться на шмотки, а? Иди немедленно к машине!

– Сделай одолжение, все же назови вслух цифры номерного знака.

– Нет слов! – буркнул Дегтярев. – Сто пятьдесят два, буквы...

– У меня на знаке стоит восемьсот тридцать.

– И где, где это стоит? Где ты сама с этим знаком? – окончательно пошел вразнос Дегтярев.

– А теперь опиши вид вокруг, – по-прежнему мирно попросила я. Какой смысл сообщать толстяку, что на мне никаких табличек и знаков нет?

– С какой радости?

– Похоже, ты находишься с другой стороны.

– Чего?

– ЦУМа.

– О боже! – завздохнул полковник. – Связался в недобрый час с женщиной! Ладно. Впереди твой ЦУМ, здоровенный магазин.

– Отлично.

– Слева Красная площадь.

– Что?

Дегтярев издал стон.

– Такое большое пространство, выложенное брусчаткой, на нем находится Мавзолей. Ясное дело, ты, коренная москвичка, никогда не слышала о том месте, где проводят парады и проходят демонстрации...

подавив желание сообщить полковнику все, что о нем думаю, я велела:

– Стой, не шевелись, сейчас приеду!

Слава богу, я не попала в пробку, пришлось лишь заплатить нескольким гаишникам, чтобы мне разрешили подъехать к ГУМу вплотную. Увидав меня, полковник недовольно воскликнул:

– Ну сколько можно!

– Ты перепутал ГУМ и ЦУМ! Я доехала с Неглинной сюда довольно быстро.

– Нет, это ты неправильно указала адрес стоянки.

– Наоборот, я очень четко произнесла: Неглинная улица.

– Следовало назвать ориентиры.

– Какие? – взвилась я. – Что может быть конкретнее названия Неглинная?

– Что мешало правильно сориентировать человека? Сообщить, допустим, что там имеется аэровокзал... – выпалил полковник.

– На Неглинной? Самолеты, по-твоему, могут отправляться из центра города?

– Это к примеру! – рявкнул Дегтярев. – Слово «Неглинная» никому ничего не скажет.

И тут до меня дошло: Александр Михайлович просто не знает, где находится одна из самых больших и шумных улиц столицы. Он перепутал ее с Никольской и явился в ГУМ, тоже, безусловно, большой и хороший магазин, но к ЦУМу никакого отношения не имеющий.

Думаете, Дегтяреву стало стыдно, и полковник в конце концов произнес: «Извини, Дашута, свалял дурака...»? Нет, он всю дорогу до Ложкина читал мне занудную нотацию о людях, не умеющих ясно выражать свои мысли. Добравшись до поселка, я приняла историческое решение: а) никогда больше не подвожу безлошадного полковника, пусть добирается до дома как хочет; б) более не улучшаю жизнь Дегтярева, не даю ему советов и не тащу за руку в светлое будущее.

Но сейчас не стоит предаваться воспоминаниям. Я осталась одна и чудесно отдохну!

Только я это подумала, как в ту же секунду ожил телефон. Я взяла трубку. Хорошо бы сейчас услышать что-нибудь приятное, ну, типа, «вы выиграли в лотерею». Хотя с какой стати? Никогда не покупаю билетов.

– Дашенька, – зазвенел голосок Зайки, – милая...

У меня внутри все сжалось: если Ольга говорит столь ласковым тоном, приключилась беда.

– Все живы? – вырвался вопрос.

– Конечно, конечно.

– Тогда что случилось?

Ольга принялась всхлипывать и только минут через пять ввела меня в курс дела.

Сев в купе, Заюшка познакомилась с попутчиком, милым, интеллигентным, седовласым дяденькой в очках, таким «ботаником». Сосед оказался доктором наук и профессором. С собой он имел фляжку дорогого, элитного коньяка, а к напитку ученый велел принести из вагона-ресторана бутерброды с икрой.

Ольга приятно провела время за разговорами, рассказала мужчине, что работает на телевидении и едет к маме в гости. Выпив за компанию с собеседником двадцать капель коньяка и закусив крохотным сэндвичем, быстро заснула. Утром, еле-еле продрал глаза и ощущая дикую головную боль, Зая обнаружила, что профессор сошел с поезда, и вместе с ним «ушли» серьги, колечко, часы и кошелек, опрометчиво брошенные Ольгой на столике. Хорошо, хоть мобильный благородному «ботанику» не понадобился. Или он его просто не нашел? В общем, сейчас Зайка билась в истерике, твердя:

– Немедленно вышли мне денег... не хочу никому сообщать о дурацком происшествии...

– Спокойно! – велела я. – Сейчас же поеду в банк «Юниаструм».

– Зачем? – насторожилась Ольга.

– Позавчера отправляла Мане в Париж некую сумму по их системе «Юнистрим». Знаешь, как обстояло дело? Внесла денежки, и через пятнадцать минут пришло SMS от Мани: «Ура, купюры в кармане». Кстати, взяли за услугу ерунду.

– Да? – с недоверием протянула Зайка. – И сколько?

– Один процент от общей суммы.

– Не поняла.

– Вот сейчас тебе какая сумма требуется?

– Две тысячи долларов.

– Считаем. Один процент составит...

– Двести баксов, – мигом заявила Ольга. – Просто обалдеть!

Я с жалостью вздохнула: наша Заюшка не сильна в математике.

– Двадцать, а не двести. Эта валюта сейчас продается примерно по двадцать восемь рублей за один доллар, следовательно, отдать банку надо всего пятьсот рублей.

– Тоже сумма. Да и где я этот банк буду искать? По всему Киеву мне, что ли, носиться? Лучше езжай на вокзал, найди проводника.

– Не велик расход. И потом, опасно передавать деньги с чужим человеком.

– Вовсе нет! – воскликнула Зайка. – Сколько раз я так поступала!

– Но через систему «Юнистрим» надежнее. Да и не обязательно именно этот банк искать. Они по партнерской программе работают с разными...

– Делай, как велю! – обозлилась Ольга. – Неужели трудно на вокзал скатать? В кои-то веки попросила. С проводником способ проверенный.

– Но он может потерять конверт!

– Ты меня не любишь, – всхлипнула Зайка, – вечно на своем настаиваешь...

Я вздохнула и пошла к машине.

Боже мой, я осталась одна, не считая животных и Ирки с Иваном! Вот оно, счастье! Начну курить в доме, буду спокойно есть шоколадки в кровати и разбросаю везде детективы... А в ближайшие дни наступит обещанная эфиопская жара, и я лягу в саду, испытывая невероятный кайф...

Нет, поймите правильно, я очень люблю своих домашних, но остаться без них на пару недель – истинное счастье. Сейчас отвезу деньги на вокзал – и свободна.

Глава 2

Постояв у табло на Киевском вокзале, я пошла на перрон и мгновенно нашла нужный поезд. Симпатичная проводница последнего вагона вежливо спросила:

– Ваш билет?

– Я не еду.

– Тогда отойдите в сторонку.

– Мне надо передать в Киев конверт с деньгами.

– Нет, нет, не возьму, нам запрещено, в стране терроризм.

– Тут всего лишь купюры.

– Нет.

– Заплачу вам.

– Женщина, уходите.

В голосе девушки зазвучал металл, я отошла в сторону и остановилась в легкой растерянности. Как поступить? Поискать другого, более сговорчивого проводника?

– У вас проблемы? – раздался приятный баритон.

Я подняла глаза, рядом стоял приятный мужчина в синей форме и фуражке.

– Разрешите представиться, – улыбнулся он, – Кукурузин Сергей Михайлович, бригадир состава. Видел, что вы разговаривали с проводницей. Она вас обидела?

– Нет, нет, – помотала я головой, – девушка просто соблюла инструкцию. Понимаете, с моей невесткой...

Кукурузин внимательно выслушал рассказ, потом тихо сказал:

– Давайте конверт. Не положено, конечно, но вы мне симпатичны.

– Ой, спасибо! Сколько я вам должна?

– Ничего.

– Так нельзя.

– Ваша невестка получит деньги и сама заплатит за услугу.

– Очень, просто очень вам благодарна!

– Не за что. Вы номер поезда записали?

– Ой, нет!

– Разве можно так неаккуратно... – укорил меня добрый самаритянин. – Записывайте: состав номер шестьсот шестьдесят семь, вагон двадцать пять. Пусть спросит бригадира, Кукурузина Сергея Михайловича.

Я вытащила телефон, сообщила Зайке необходимые сведения и, ежась от колкого дождя, пошла к машине.

Синоптики, как всегда, ошиблись. На Москву обрушился настоящий ливень, ледяной и жуткий. Столицу практически затопило, ртутный столбик термометра, прикрепленного к внешней стене здания вокзала, показывал всего пять делений выше нуля. Наверное, в Ложкине сейчас включили котел, затопили камин. Приеду – лягу на диван, завалившись пледами... От тоски я скупил в вокзальном ларьке все газеты.

Дома я рухнула на софу – изучать прессу.

Вообще-то я предпочитаю книги и больше всего люблю детективные романы. В последнее время «подсела» на Смолякову, причем до такой степени, что отправилась некоторое время назад в книжный магазин «Молодая гвардия», дабы получить автограф литераторши. Очень странный для меня поступок, сама себе удивилась до остоленения. До сих пор мысли об общении со знаменитостями у меня не возникало. Но Смолякова пишет свои произведения от первого лица, и у меня после прочтения четырех десятков ее романов сложилось стойкое ощущение: мы знакомы. Более того, как будто я давно незримый член ее семьи, хожу в ее доме, глажу ее собак, общаюсь с ее родственниками. Вот и разобрало любопытство: Милада и вправду такая или это выдуманный образ?

Для начала пришлось отстоять очень длинную очередь – популярность у Смоляковой просто невероятная. Но я оказалась упорной и дождалась своего часа. Милада выглядела иначе, чем на фото и в телепередачах. Она оказалась даже меньше меня, тощенькая блондиночка с голубыми глазами.

Я протянула книгу.

– Кому подписать? – спросила Смолякова.

– Мне.

– Как вас зовут?

– Даша, – спохватилась я, – извините, пожалуйста.

Милада улыбнулась.

– Рада вас видеть.

Потом она осторожно открыла томик, взяла простую, даже, я бы сказала, затрапезную шариковую ручку – такую прозрачную, пластиковую – и внезапно поморщилась.

– Что-то не так? – насторожилась я. – Вы не хотите подписывать это произведение? Давайте куплю другой роман.

– Нет, нет, не в этом дело, – ласково ответила Милада. – Вчера пошла в свою комнату, прихватив чашку кофе, решила полакомиться в тишине. Но не тут-то было: собаки затеяли свару на лестнице, помчались всем стадом вниз, сшибли меня с ног, я упала и сильно обожгла руку, прямо около родинки. Вот даже волдырь вздулся. Видите, какая отметина? У меня это пятно с детства, очень некрасиво, а теперь еще и шрам рядом будет. Кроме того, ожог сильно болит.

– Ой, а собаки – это правда? – обрадовалась я, забыв выразить литераторше сочувствие.

– Ага, – закивала Милада, быстро чиркая ручкой по странице. – Вот, смотрите, у меня их фото на телефоне вместо заставки.

– И у меня! – воскликнула я. – Хуч, Банди, Снап, Жюли, Черри, есть еще кошки и жаба.

– Дайте поглядеть, – попросили женщины из очереди.

И через секунду плавное подписание книг превратилось в тусовку любителей животных – вокруг Смоляковой столпились собачники, кошатники, хомячатники, черепашатники, лягушатники, крысятники... Нашелся даже один любитель змей, вздохнул повествующий об удивительно интеллигентном нраве своей гюрзы.

Вместо того чтобы сразу уйти, получив автограф, я застыла в толпе, наблюдая за Смоляковой. Очень скоро меня охватило удивление. Надо же, вроде супермодная писательница, а совсем не заносчивая и одета не пафосно, и в ушах бижутерия, вот только пахнет от нее дорогими французскими духами, теми же, что пользуюсь я. На смену удивлению явилось восхищение. Похоже, Милада отличная тетка, мы могли бы быть подругами, нет в ней ни агрессии, ни злобности, ни желания посмеяться над бабами-фанатками, говорящими сейчас глупости. Кстати, в очередь к Миладе стояло и много мужчин, делавших не менее идиотские замечания.

В общем, домой я вернулась, очарованная Смоляковой, и впервые в жизни испытала желание набиться к ней в гости. Если подумать, я легко найду общих знакомых с писательницей. Останавливало лишь некоторое стеснение: скорее всего, вокруг Милады полно вот таких, рвущихся к ней в дом.

Почитав сейчас газеты, я поняла, что совершенно правильно предпочитаю им книги. Какой только белиберды не понаписали журналисты! Уши вянут, вернее, глаза прищуриваются от таких новостей. «Стая бродячих кошек ukrала в Подмоскoвье грузовик»; «В Сибири женщина родила троих медвежат»; «Певице Глюкозе на самом деле шестьдесят лет, просто ей делают инъекции стволовых клеток»; «Жанна Фриске поет не сама, за нее исполняет песни Зифа, мопсиха поп-звезды»... Оставалось лишь удивляться, ну неужели хоть кто-нибудь из нормальных людей способен воспринимать данное идиотство всерьез?

Я перевернула страницу. «Депутат купил себе на дачу носорога»; «В Подмоскoвье обнаружена аномальная зона, у посетивших ее отрастает хвост»; «Вся правда об исчезновении Милады Смоляковой»... Руки скомкали бульварный листок, но в ту же секунду я вновь вцепилась в издание и начала расправлять страницу. «Вся правда об исчезновении Милады Смоляковой»... Господи, что случилось с моей любимой писательницей?

Глаза побежали по строчкам.

«Несколько дней тому назад известная детективщица, автор глупых, но любимых необразованным народом историй, должна была принимать участие в открытии книжного магазина. Смолякову ждали, заготовив для нее букет и торт. Но Милада не приехала. Вместо нее явился представитель издательства «Марко» и заявил:

– Смолякова, увы, заболела, приступ аппендицита. Ничего серьезного, ночью сделали операцию, через неделю Милада приедет сюда подписывать книги.

Народ поахал, поохал, пожелал неистойой графоманке здоровья, и ситуация была исчерпана.

Но ваш покорный слуга является стреляным воробьем, опытным газетным волком, поэтому что-то в заявлении «марковца» показалось странным, и я соединился с домом Смоляковой. Трубку сняла женщина.

– Простите, – забубнил я, – беспокоят из бутика «Оло». Госпожа Смолякова заказывала у нас пиджак...

– Моя свекровь сломала руку, – нервно отозвалась дама, – ей сейчас не до обновок.

Я сделал стойку: так аппендицит или перелом? Нос учуял запах жареного. Читатели нашей «Желтухи» очень хорошо знают: мы делаем все, дабы люди получили абсолютно проверенную информацию, так сказать, из первых рук. Ради вас, дорогие подписчики, мы мерзнем в подъездах, прыгаем на ходу из поезда и ползаем под окнами. Только из нашей «Желтухи» вы узнаете подлинные сведения. Итак, правда о Смоляковой.

Детективщица исчезла. Утром, сказав своим родственникам, что едет по делам в издательство, она села в машину и укатила.

Около одиннадцати вечера сын Смоляковой, мальчик-мажор Никита, известный в среде золотой молодежи под кличкой Фуфло, решил связаться с мамочкой. Наверное, у парня закончились деньги и не хватало на педикюр. Никита не сумел обнаружить свой большой кошелек под именем «мама» и соединился с шофером писательницы, Толиком. Тот слегка растерянно ответил:

– Она в магазине.

– Каком? – удивился Никита.

– В галерее «Ка».

– Так уж полночь скоро!

– Ну... Не знаю, – протянул простоватый Толик, – мне велено ждать. Милада в полдень вошла внутрь и до сих пор не вышла.

– Ты идиот! – завопил Никита и развил бешеную деятельность.

Думаю, вы бы тоже задержались, сообразив, что курочка, регулярно несущая золотые яйца, исчезла.

Никита поднял на ноги службу безопасности «Марко», и дуболомы выяснили ряд интересных деталей.

Утром Смолякова села в машину с непривычно большой сумкой. Толику, который ставил поклажу на заднее сиденье, она сказала:

– Там подарок для моей знакомой, едем в галерею «Ка».

Шофер послушно порулил в указанном направлении. Добравшись до места, Милада велела подать ей сумку.

– За фигом вам она? – справедливо спросил Толик.

– Купила подруге настенные часы, – последовало в ответ, – а они с дефектом. Сейчас обменяю, и дальше двинем.

– Давайте допру тяжесть, – предложил Толик.

– Сиди лучше в машине, – отвергла помощь писательница. – Сама разберусь.

Все, более ее не видели. Домой Милада не явилась, в издательство не приехала.

Галерея «Ка» всегда полна народа и имеет шесть разных выходов, один непосредственно у метро. Что случилось со Смоляковой, не знает никто. То ли ее похитили, то ли по непонятной причине дамочка решила сбежать. Если верно последнее предположение, то наконец-то бездарная графоманка Смолякова будет хоть в чем-то похожа на Агату Кристи. Великая английская писательница, помнится, тоже исчезала на пару дней, и никто до сих пор не знает, зачем она это делала.

Читайте «Желтуху». Ваш верный репортер».

Я вскочила с дивана, схватила телефон и быстро набрала номер. Услыхав звонкое «Алло!», воскликнула:

– Катюша, это Даша Васильева.

– Ой, супер, только вчера о тебе думала! – откликнулась моя знакомая.

– Ты ведь по-прежнему на телевидении служишь?

– Ага.

– Редактором на шоу «Вечер со звездой»?

– Точно.

– Смолякова у вас была?

– А як же! – засмеялась Катерина. – Раз пять, не меньше. Ее охотно зовут – не пафосная, говорит хорошо, с чувством, понты не дуэт...

– И, конечно, имеешь ее телефоны?

– Естественно.

– Поделись номерком.

Катюша замялась, потом спросила:

– Зачем тебе?

– Да вот, – бойко принялась я врать, – решила от тоски заняться кинопроизводством, надумала вложить деньги в телесериал. Понимаешь...

– Супер! – перебила меня Катюша. – Можешь не продолжать! У меня тут куча телефонов Смоляковой, записывай. Только пусть она потом мне бутылку дорогого шампанского купит за наводку на нее богатого продюссера.

Получив необходимые координаты, я улыбнулась. Это только кажется, что раздобыть частные сведения о звезде трудно. Да, скорее всего, ни одна справочная не сообщит вам номер мобильного, допустим, Ларисы Долиной. Но ведь певица не живет в бункере, она ходит в парикмахерскую, в фитнес-клуб, следовательно, там на рецепшен есть сведения о ней. А еще имеются журналисты с пухлыми записными книжками, врачи, дизайнеры... Да слесарь, в

конце концов! Ведь если у звезды сломается полотенцесушитель, она же не станет сама его чинить, а позовет специалиста. Так что, ежели подумать и предпринять некие телодвижения, максимум через неделю узнаешь о своем кумире все, включая сорт йогурта, который стоит в его холодильнике.

Не успела я набрать первый номер, как тут же услышала:

– Алло.

Голос был женским, высоким, и я обрадовалась.

– Госпожа Смолякова?

– Нет, вы связались с ее пресс-секретарем. Меня зовут Нина Величко.

– Простите, а где писательница?

– Вы из какого издания? – задала встречный вопрос Нина.

– Разрешите представиться: Катерина Раськина, телевидение, редактор программы «Вечер со звездой», – ничтоже сумняшеся прикинулась я Катькой.

Нина хмыкнула:

– Девушка, попали не в кассу! Мы с Катюхой лет десять работали вместе, и я великолепно знаю ее голос. Так что давайте без туфты. Какое издание представляете? Зачем вам Милада? Вы от «Желтухи» или от «Клубнички»?

– Ну... да, правильно, вы угадали, я э... от «Желтухи».

– Лучше не врать, если потом желаете сотрудничать, – нравоучительно ответила Нина. – Зачем вам вдруг Милада понадобилась? Конечно, у Смоляковой ангельский характер, но, думаю, вряд ли ей будет приятно общаться с вами после тех феерических глупостей, которые понаписала ваша газета.

– Это не я.

– Знаю, – отрезала Нина, – Дима Клыков постарался. Передайте ему, что он идиот. Издательство «Марко» внесло его в черный список, так что пусть не приближается к Миладе на пушечный выстрел. Если увижу, что он около нее круги нарезает, лично в нос дам.

– Насколько помню, статья об исчезновении Смоляковой подписана «Ваш верный репортер». Может, это и не Дима... – попыталась я возразить.

Нина захихикала.

– Ты, котик, небось на журфаке учишься, да? Желаеть стать великим пером России? Старайся, детка, только имей в виду: в газетах платят гонорары. Слышала о таком явлении?

– Естественно, что тут нового?

– А то, котенок, – откровенно издевательски сообщила Нина, – что в бухгалтерии имеется гонорарная ведомость, а в ней черным по белому стоит: тридцать сребреников за материал о Смоляковой выплачено Дмитрию Клыкову. Все тайное в подлунном мире становится явным. Везде имеются люди, готовые продать ближнего в прямом смысле слова за деньги. Вот и скажи Клыкову: «Ты кретин, Дима. «Марко» отныне для тебя закрыто». Что же касается тебя, котик, то могу заверить: Милада жива-здорова, просто она упала и повредила руку, поэтому нигде не показывалась. А еще у нее и правда случился приступ аппендицита, но до операции, слава богу, не дошло.

– Ага, ясненько.

– А из-за таких, как Клыков и ты, чрезмерно любопытный котик, Милада нервничает, переживает...

– Да-да, понятно.

– И вместо того чтобы обдумывать новые книги, расстраивается, – еще более сердито добавила Нина. – Нам пришлось, дабы погасить сплетни, отправить ее сегодня в книжный магазин, пусть люди увидят свою любимицу и поймут: некоторые издания совершенно оборзели. Больной человек из-за дураков

кровать покинул! Она еле-еле говорит, голос из-за болезни потеряла...

– От аппендицита?

– Смоляковой бешеные дозы антибиотиков засандалили, аллергия началась, – нервно оборвала мои дальнейшие вопросы Нина. – Ты, котик, вместо того чтобы глупостями заниматься и под Катьку косить, приезжай сегодня в книжный магазин «Москва» на Тверской, а потом напиши честную статью и сообщи правду: Милада Смолякова настолько любит своих читателей, что ради их спокойствия заявила на встречу с больной рукой, температурой и аллергией... Думаешь, легко пару часов на публике провести, улыбаясь и беседуя? Ведь толпа, как огромный вампир, всю энергию выкачает! В общем, детка, решай сама: либо ты нормальный журналист, либо, как Дима Клыков, ведро с мусором. И коли не желаешь выглядеть помойкой, приезжай в восемнадцать ноль-ноль на Тверскую. Надеюсь, ты в курсе, где «Москва» находится? Или ни разу там не бывала?

Из трубки полетели гудки. Я в задумчивости посмотрела сначала на листок с номерами телефонов, потом на часы. Ноги сами собой понесли меня в спальню. А что, съезжу-ка я в «Москву». С одной стороны, смогу убедиться, что Милада вполне дееспособна и никуда не исчезала, с другой – получу еще один автограф и куплю новую книгу.

Натянув джинсы и пуловер, я вспомнила о любви детективщицы к животным и прихватила с собой одну из любимых фотографий. На ней был запечатлен Хучик, спящий на спине. Мопс раскинул в разные стороны все свои четыре лапы, а на его объемистом животе удобно устроилась наша йоркшириха Жюли. Думаю, Смолякова засмеется, увидав столь необычный кадр, а мне хотелось доставить любимой писательнице удовольствие.

До начала Тверской я добралась без особых приключений и даже нашла место для парковки относительно недалеко от входа в магазин. Мне удалось удобно пристроить своего «пежульку» около здорового лаково-черного джипа, шофер которого с упоением смотрел телевизор.

Как все москвичи, я люблю книжный магазин, названный в честь столицы, хожу сюда давно, с детства, и всегда набираю кучу интересных изданий. На мой взгляд, у «Москвы» лишь один существенный недостаток: помещение уж очень

узкое, между стеллажами даже человек моей комплекции может протиснуться с трудом. В торговом зале всегда тесно, а сегодня и вовсе было негде яблоку упасть – народ, взбудораженный сообщением об исчезновении любимого автора, в едином порыве кинулся на встречу. Но мне опять повезло, я ухитрилась продвинуться почти вплоты к небольшому столику, за которым стояла высокая, крупная дама в строгом деловом костюме, похожая на Миладу, как бревно на травинку.

– Здравствуйте! – заорала вдруг тетка в микрофон с такой силой, что толпа вздрогнула. – Я – Рита Водовозова, представитель пиар-службы издательства «Марко». Наши сотрудники хорошо понимают ваше волнение, мы возмущены безответственными заявлениями СМИ и выражаем искреннее соболезнование госпоже Смоляковой, попавшей в эпицентр сплетен. Милада, к сожалению, заболела.

– Вау! – полетел над притихшим залом детский голосок. – Ее не будет! Значит, не брешут, что пропала!

– Похитили! – подхватил мужчина из толпы. – Наверняка выкуп хотят!

– Не, сама смылась, заездили ее... – не слишком уверенно возразил ему кто-то.

– А чего ж тогда встречу объявили? – взвился к потолку возмущенный голос. – Во, надули!

Дама одернула пиджак и легко переорала фанатов:

– Милада здесь, мы никогда не лжем нашим читателям! Случись – не дай бог, конечно, – беда, тут же сообщили бы о ней. Смолякова сейчас выйдет!

– У-у-у... – отозвалась толпа.

– Более того, она сегодня в сопровождении Анастасии, своей дочери. Настюша, покажись.

Стоящая слева от активной дамы худенькая, почти бестелесная девочка с копной буйно вьющихся волос вяло помахала рукой.

– Настя никогда не ходит с мамой, ей некогда, она учится в школе, но сейчас летние каникулы, и она с нами. А еще у нас в гостях собачка Чуня. Настена, покажи... – скомандовала издательская дама.

Девочка, старательно улыбаясь, подняла над головой нервно дрожащего йоркшира, как две капли воды похожего на нашу Жюли.

– Ой, какая хорошенькая! – стали умиляться собравшиеся.

– Суперская!

– Можно погладить?

– Нет! – вдруг решительно рявкнула сублильная Настя. – Если каждый Чуню лапать станет, она мигом заболеет! Смотрите глазами!

Я усмехнулась. Не зря у меня внутреннее ощущение некоего родства со Смоляковой. У нас не только одинаковые собачки, но и дочери тоже похожи. Моя Манюня точно так же бы отреагировала на желание посторонних потискать Жюли.

– Прежде чем начнется подписание книг, хочу предупредить, – орала Рита, – у Милады пропал голос, это аллергическая реакция на сильные дозы антибиотиков. Еще у нее повреждены пальцы на правой руке, и писать Смолякова не может. Она будет ставить штамп-факсимиле.

– Хорош гундеть! – перебил Риту юношеский голос. – Давай Смолякову!

Водовозова набрала полную грудь воздуха и заорала с яростью кошки, чей хвост прищемили дверью:

– Встречайте! Вот она! Любит вас настолько, что пришла в магазин тяжелобольной! Милада-а Смолякова-а-а!

Загремел бравурный марш, зал взорвался аплодисментами. Из-за стеллажа вынырнула хрупкая фигурка и принялась раскланиваться, прижав к груди крохотные ручки. Пальцы правой руки скрывала повязка. Я облегченно

вздыхнула. «Желтуха» в очередной раз наврала. Вот она, Милада, живая и почти здоровая.

Глава 3

Толпа превратилась в очередь, и меня оттеснили. Я хотела было вновь постараться протиснуться вперед, но потом сообразила: лучше подойду самой последней. Если никто уже не будет нетерпеливо дышать мне в спину, я смогу спокойно показать писательнице забавное фото. Пристроившись в самый хвост длинной очереди, я стала пропускать вперед всех желающих. Примерно через час около меня возникла симпатичная продавщица.

– Вы крайняя? – весело спросила она.

– Да, да, – закивала я.

– Ну и отлично, велено очередь закрыть, говорите, чтобы за вами не занимали.

Я обрадовалась: вот здорово, небось с последним фанатом Смолякова пообщается дольше всех.

В конце концов старания мои были вознаграждены – я добралась до столика и радостно заговорила с любимой писательницей:

– Здравствуйте! Вы не помните меня? Вы подписывали не так давно, зимой, мне книгу!

Милада заулыбалась, а Водовозова воскликнула:

– Девушка, сами подумайте, мыслимо ли всех упомянуть?!

– Я Даша, с собаками... – продолжала напоминать я. – Вот смотрите, какое фото...

– Ой, мопсик! – восхитилась Настя. – И йорк, как у нас. Какие славные!

– Где ваша книга? – нервно потребовала издательская Рита. – Имейте совесть, писательница плохо себя чувствует.

– Эй! – вдруг требовательно закричали сзади. – Газета «Желтуха». Снимочек можно?

Я вздрогнула, повернула голову и увидела молодого парня с лохматой головой, облаченного в донельзя затертые джинсы и мятую рубашку. На шее у него болтался фотоаппарат.

Водовозова прищурила умело подкрашенные глаза.

– Снимайте, вот вам Милада, которую ваша «Желтуха» объявила пропавшей.

– Что за претензии ко мне? – отгавкнулся корреспондент. – Я человек подневольный. Велено снять, вот и приехал. Не нравится, главному жалуйтесь. Так, девушка... Эй, девушка, ау!

– Вы мне? – спросила я.

– Тебе, тебе... Встань слева, протяни Смоляковой книгу...

Я покорно подчинилась нахалу.

– Хм, не очень-то картинка получается... – расстроился папарацци. – Во! Собачку посадите! Вот сюда, на столик.

– Нет, – решительно возразила Настя. – Чуню не дам!

– Да на фиг мне твоя шавка сдалась! Пусть просто посидит возле любимой хозяйки.

– Нет! – уперлась Настя.

– Настюша, – сладко пропела Рита с какими-то странными интонациями, – солнышко мое! Ты же понимаешь, что надо быть вежливой. Устрой Чуню около

мамы, всего на минуту!

Прикусив нижнюю губу, девочка покорилась.

– Прижмите к себе Муню, – велел репортер.

– Чуню, – сердито поправила его Настя.

– Мне без разницы... Чуня, Муня, Пуня, Дуня... – захихикал парень, щелкая фотоаппаратом. – Милада, улыбнитесь! Эй, девушка, не корчи рожи! Чуню поближе... обхватите ее...

Смолякова стиснула крохотное тельце. Из Чуни вырвалось негодующее рычание, потом йоркшириха разинула розовую пасть, утыканную острыми, белыми зубами, и... цапнула хозяйку за левую руку. На указательном пальце Смоляковой появились капельки крови.

– Вот дрянь! – завизжала детективщица резким, пронзительным и совсем даже не больным голосом. – Уберите ее!

Потом она просто отшвырнула от себя йоркшириху. Собачка свалилась на пол и завизжала, Настя бросилась к ней.

– Чунечка, не плачь... – лопотала девочка, успокаивая нервную любимицу.

Я слегка растерялась. Что-то в этой сцене было не так... В ту же минуту вспыхнул дисплей мобильного Смоляковой – очевидно, он работал в режиме «без звука» и теперь не трезвонил, а просто моргал. Я машинально отметила, что зимой у Милады был с собой иной вариант сотового, более дорогой и навороченный, чем тот, что сейчас лежал на столе. Писательница молча схватила трубку и сунула ее в карман, но я успела заметить, что в качестве заставки у нее помещено фото цветущего сада, а не снимок ее любимых собак.

– Нам пора, пошли, – велела Рита. – Настя, ты где?

Девочка, не говоря ни слова, прижимая к себе Чуню, нырнула за стеллаж.

Милада встала и уронила печать. Я нагнулась, подняла ее и подала писательнице. Смолякова улыбнулась и машинально, ладонью вверх, протянула ко мне через стол правую руку с забинтованными пальцами. Мой взгляд зацепился за ее запястье... На нем не было темного родимого пятна. Луч понимания загорелся у меня в мозгу: вот оно как!

– Спасибо, девушка! – рявкнула Рита, выхватила из моей руки печать, а потом, уцепив лже-Смолякову за плечо, уволокла ее туда же, за стелаж.

Я растерянно огляделась. Затем вышла из магазина на шумную Тверскую и, желая спокойно обдумать свое неожиданное открытие, решила посидеть в расположенной неподалеку кофейне. Заодно выпью чашечку ароматного напитка.

В просторном зале кафе оказалось почти пусто. Я не люблю сидеть у большого окна и лакомиться пирожными на глазах у толпы, поэтому двинулась в глубь помещения и вдруг увидела за столиком Настю в компании с Чуней. У девочки был совершенно несчастный вид. Красный нос мигом выдал хозяйку: Настюша только что плакала.

Безо всяких колебаний я подошла к ребенку и тихо спросила:

– Можно присесть около вас?

– Тут полно свободных мест, – дрожащим сердитым голосом отрезала Настя.

– Думаю, мне лучше устроиться тут.

– Почему?

Я села и вынула фото.

– Помните снимок? Пару минут назад в книжном магазине он вам понравился.

Настя схватила бумажную салфетку, вытерла нос и грустно ответила:

– Правда, прикольный.

– Смотрите, у меня в мобильном еще есть... Это мопс Хуч, безобразник и сластена...

– Ой, симпатичный, – оживилась Настюша.

– Рядом питбуль Банди и ротвейлер Снап. Первый обожает оладушки, любит купаться и боится лягушек, а второй ленивый, но очень интеллигентный. Еще с ними пуделиха Черри, ей уже очень, очень много лет. Вследствие солидного возраста у Черрички сильно испортился характер, и она бывает немотивированно злой. Понимаете, к старости у животных, как и у людей, проявляется все то, что в прежние годы было нивелировано воспитанием.

– Ага, – кивнула Настя, – у меня есть две бабушки, мамыны бывшие свекрови, они тоже злые, хуже гоблинов.

Я ощутила себя почти родственницей Милады и бойко продолжила рассказ:

– А это наши кошки, Фифина и Клепа. Между ними сидит Жюли, она очень смахивает на вашу Чуню.

– Верно, – улыбнулась Настя. – Все йорки хоть и маленькие, но очень храбрые и преданные.

– Даже бесшабашные. Наша Жюли за мной в огонь прыгнет, хотя, по идее, ее хозяйка не я. А у вас есть еще животные, кроме Чуни?

– До фиги! Кот Сан Саныч, черный британец, он откликается лишь на имя и отчество; скотчтерьеры Бетти и Пеша; кролик Роман и Лорд, он беспородный пес, но жутко славный.

– Значит, твоя мама любит Чуню?

– Очень.

– А Чуня маму?

– Знаете, если мамусечка вдруг куда уезжает, Чуня просто звереет, кидается на всех, злится, пока Ми не вернется.

– Кто это, Ми?

– А так маму дома зовут, – пояснила Настя.

– Внимательно выслушав твой рассказ, могу сделать один вывод, – тихо сказала я.

– Какой? – тоже шепотом спросила Настя.

– Сейчас в книжном магазине перед читателями сидела не Милада Смолякова, а загримированная актриса. Твоя мама никогда бы не столкнула Чуню на пол, даже взбреди йорку в голову невероятная идея цапнуть хозяйку. Впрочем, думаю, Чуня ни при каких обстоятельствах не стала бы вредить Ми. Теперь понятно, отчего эта Рита долго рассказывала про потерю голоса и больную руку. Внешний облик подделать легко, на свете довольно много похожих людей, а вот с голосом и почерком проблема. Смолякова часто выступает на радио и по телевидению, ее своеобразный, слегка детский тембр голоса хорошо известен всем, а по книжным магазинам развешаны плакаты с надписью, сделанной ею лично: «Дорогие мои, пусть удача вас не покинет. Милада Смолякова». Так что почерк ее и подпись тоже людям знакомы. А тебя и Чуню привезли в «Москву», чтобы у пришедшего на встречу народа не зародилось ни тени сомнений в подлинности писательницы, ведь так?

Настя моргнула раз, другой, третий и, прижав к себе собачку, прошептала:

– Вы кто?

– Даша Васильева, фанат Милады. Думаю, я тот человек, который сумеет тебе помочь. Иногда я занимаюсь детективными расследованиями, и чаще всего у меня получается распутывать всяческие узлы. Насколько понимаю, Ми исчезла, а «Марко» изо всех сил пытается скрыть ситуацию.

Настя вздрогнула:

– Вы хотите денег? За молчание?

Я вынула из кошелька пластиковый прямоугольник.

– Знаешь, что это?

– Да. Платиновая кредитка. Их банк выдает лишь VIP-клиентам. У мамы тоже есть такая.

– Понимаешь теперь, что мне деньги особо не нужны?

– Ну... в принципе, да. Но почему вы хотите мне помочь? Откуда вы узнали, что я ищу маму? – склонила голову набок Настя.

– Просто догадалась. Кабы я исчезла, не сказав никому ни слова, моя дочь Маша мигом бы бросилась на поиски. Извини, сейчас мне отчего-то кажется, что твоей маме грозит опасность.

Настя тяжело вздохнула.

– Она последнее время ходила сама не своя. Улыбалась вроде как обычно, но я понимала: что-то произошло.

– Ну, иногда взрослые люди расстраиваются из-за чисто личных дел. Насколько я знаю, Ми не замужем?

– Да, она разошлась с папой, когда я была крошкой. Мамочка два раза выходила замуж: первый раз за отца Никиты, но с ним она тоже долго не прожила. Никитин папа уехал в Америку, а мой эмигрировал в Канаду, от них лишь бабушки остались. Они совсем уже старые, одни жить не могут, поэтому их мама к себе забрала.

Я снова удивилась сходству наших с Миладой семейных обстоятельств.

– Мамочке было очень трудно, – спокойно продолжала Настя. – Двое детей без мужа, у нас с Никитой большая разница – мне пятнадцать, а ему тридцать лет. Это сейчас у нас большой дом и много денег, а раньше... – Девочка махнула

рукой, помолчала и добавила: – Ми уже десять лет печатается, но первые три года получала мало, реально мы только лет шесть как стали хорошо жить. Я имею в виду материально. У мамы нет любовников, если вы на это намекаете, она не могла из-за постороннего мужчины распсиховаться.

– А просто уехать отдохнуть?

Настя вытаращила глаза.

– Никому не сказав? Это совершенно невозможно! Даже если предположить, что ее достали Кит и Зизи, она бы никогда не бросила издательство. Ми всегда повторяет: сначала напиши рукопись, а потом делай что хочешь. Мама очень ответственна, даже слишком.

– Кто это – Кит и Зизи?

– Никита и Лиза, мой брат и его жена, – слегка скривившись, ответила Настя.

– Ты с ними не дружишь?

– Ну... дружу.

– Но не любишь родственников?

– А за что? – неожиданно вскипела Настя, но тут же притихла и, помолчав, пояснила: – Просто Лизка меня постоянно дразнит, обзывает шваброй, а Никита хихикает. Бабушка Фаина целиком на стороне Кита, он ей родной внук, а меня она тихо ненавидит. Хоть и разговаривает сладеньким голосочком, но все равно чувствуется. Лизу Фаина прямо изводит, и та ей платит тем же. Бабушка Ника тоже еле терпит Лизу. Обе бабки вечно ругают маму, и у них есть только одна тема в разговоре, когда они не дерутся: о том, что маму испортили деньги. В общем, дурдом. Только Раиса ничего, но она в доме никто.

– Раиса?

– Сестра первой жены Никиты.

Я помотала головой.

– Знаешь, я сама выходила замуж три раза, и мои дети, Кеша и Маша, на самом деле мне не родные, к тому же у нас куча всяких непонятных родственников, но в вашей семье я что-то не разберусь.

– Да ничего трудного, – пожала плечами Настя. – Никита женат во второй раз, сначала у него была Наташа. Она вполне симпатичная, только с Китом нормальная женщина жить не станет...

– Почему? Он пьет?

– Нет, разве что чуть-чуть, очень редко.

– Употребляет наркотики?

– Никогда! Кит страшно над своим здоровьем трясется, – засмеялась Настя. – Просто он... специфический. Нигде не работает, спит до полудня, потом уезжает в парикмахерскую или фитнес-клуб, по магазинам шарится. Понимаете, у него было тяжелое детство, без отца, игрушек мало было, и вообще он постоянно дома один сидел – мама пахала в газете, зарабатывала на жизнь. В общем, плохо ему пришлось. Вот Ми сейчас и старается вину искупить, балует его, деньги дает. А Наташа стилистом работала – утром в салоне, вечером на каких-нибудь мероприятиях, они с Китом словно земля и небо, вместе им было никак не соединиться. Ну и разбежались. Натка сейчас за границу уехала, ее на работу туда пригласили. А Рая, ее сестра, у нас осталась. Рая немного на голову больная... ну, если честно, совсем придурковатая... Кому она нужна? Теперь у нас хозяйство ведет.

– В качестве домработницы?

– Верно, – согласилась Настя.

– Значит, «Марко» скрывает исчезновение Смоляковой? – переменила я тему.

– Да.

– А вдруг ее похитили, пытаются, хотят убить?

– Ой, что вы такое говорите?! Вообще-то служба безопасности издательства поднята на ноги, но... Боюсь, они ее не найдут.

– Почему?

Настя посмотрела мне в глаза, потом вдруг сказала:

– Кит, наверное, назвал бы меня сейчас дурой, но отчего-то я вам верю... Вот, смотрите – это лежало у меня под подушкой. Стала ложиться в тот день спать и нашла... – На столик Настя выложила белый конверт. – Прочитайте.

Я осторожно вытащила из конверта листок и пробежала глазами текст.

«Настенчик, единственная моя, дорогая подружка! Извини, приходится доставить тебе боль, но мы, похоже, в ближайшее время не встретимся. Живи пока без меня. Знай, что бы ни болтали люди, я здорова и решение бросить все приняла совершенно самостоятельно, как принято говорить, в светлом уме и твердой памяти. Извини меня и пойми: иного выхода в данной ситуации не имелось. Я ушла, чтобы уберечь семью от большой беды и позора. Теперь о делах. Твоя кредитная карточка будет регулярно пополняться через банк. И не надо пытаться при помощи платежей вычислить место моего пребывания! Суммы станут, как всегда, перечислять бухгалтерия «Марко», потому что я, чувствуя свою ответственность перед тобой, издательством и читателями, никогда не брошу писать. Рукописи с прежней регулярностью продолжат поступать в редакцию, и столь же регулярно ты будешь получать деньги. Свою часть, впрочем, не столь много, как раньше, получит и Никита. Если выделенные средства покажутся ему копейками, ничего поделать не могу. Я очень прошу тебя не говорить Киту и Зизи, что ты имеешь деньги, пусть это будет твоей тайной. Банк займется всеми финансовыми проблемами, все выплаты за дом, газ, электричество, охрану и прочее будут совершаться вовремя, на текущий счет будет поступать оговоренная мною сумма для хозяйственных нужд. Но и только. Остальные деньги пойдут на депозит, доступа к которому ни у кого нет.

Каждый месяц, исключая апрель и декабрь, в двадцатых числах, подойдя к книжному магазину, ты увидишь очередную книгу Смоляковой. Тогда знай: я жива. Если же в течение полугода новинок не будет, это будет означать, что я,

увы, умерла. Не плачь, ступай к Роману Мефодьевичу, нашему адвокату, у него лежит завещание. Я не скрою его содержания: все члены семьи получают небольшие суммы, Киту и Зизи отойдет городская квартира. Но остальное: дом, земельный участок и, главное, право на авторское наследие, – отойдет тебе. Не волнуйся, ты будешь богата и независима, тебе не придется, как мне в юные годы, кланяться кому-то в пояс за копейку. Но это худший вариант развития событий. Ты просто потерпи, думаю, через несколько лет я сумею вновь быть вместе с тобой, мы уедем далеко и будем счастливы. Очень прошу, позаботься о животных, чтобы они не оставались голодными и не болели. Я, к сожалению, не могла взять их с собой. Не могла я взять и тебя, прости, но моя любовь остается с тобой. Все будет хорошо, все обязательно будет хорошо! Не верь никому и ничему, рассказанному обо мне! Не показывай это письмо никому, а в особенности домашним. Настюша, в нашей семье беда, я надеюсь вылезти из нее, но для этого, увy, мне следует исчезнуть. Будь осторожна, не доверяй никому из своих, даже...»

Дальше шла ровная черта, создавалось такое впечатление, что листок выдрали у Милады из рук.

– Тут нет подписи, – пробормотала я, – и числа.

– Я очень хорошо знаю мамин почерк, это писала она, – шмыгнула носом Настя. – Вы не представляете, что я чувствую. Мне так тяжело... И одиноко... И я... я просто в шоке.

– Ты никому не показывала послание?

– Вам первой, – всхлипнула Настя и вдруг добавила: – У вас же тоже йорк есть! И собак вы любите, и книги Смоляковой, и денег вам не надо, и...

По щекам Насти градом хлынули слезы. Чуня, поняв, что ее юной хозяйке плохо, тоненько завывала. Я обняла девочку, потом встряхнула ее и сказала:

– Рыдать глупо, лучше давай подумаем, что мы можем сделать в данных обстоятельствах. А поплачем потом, от радости.

Глава 4

Когда Настя успокоилась, я спросила:

– Как думаешь, отчего «Марко» скрывает исчезновение популярного автора? Почему не бьет во все колокола, не привлекает милицию?

Настя почесала нос.

– Они тоже получили письмо.

– Кто?

– Ну... не знаю. Хозяин издательства, наверное, или кто у них там главный.

– Вашей семье об этом сообщили, да?

– Нет.

– Тогда откуда твоя уверенность?

Настя повертела в руках пустую чашку.

– Понимаете, когда Ми пропала, Никита страшно перепугался. Я даже удивилась, потому что всегда считала: брату плевать на маму. Он, правда, очень с ней был милый, ласковый всегда, вечно сюсюкал: «Мулечка, как себя чувствуешь? Мусечка, можно к нам в гости Костик придет?» Ну, в общем, изображал послушного мальчика. Все вокруг считают его необыкновенно хорошим сыном. Как же, Кит никогда не забывает привезти из города маме ее любимые пирожные и фрукты, на ночь обязательно зайдет в спальню, поцелует... Прямо противно!

– Что же плохого в проявлении заботы? – улыбнулась я. – Наверное, очень приятно, когда о тебе думают, когда едут в магазин, скажем, за черешней или ананасами, желая доставить удовольствие.

Настя скривилась.

– Наверное, приятно. Только... это все неправда, забота его неправда. Раньше Кит таким не был. Я очень хорошо помню, как он маму пытался замуж выдать. Она случайно познакомилась с одним дядькой, жутко противным, но дико богатым. Вроде его звали Гарик...

Я внимательно слушала девочку и по мере продолжения ее рассказа все больше понимала: вот почему мне так невероятно нравятся книги Смоляковой, вот почему мне захотелось пойти на встречу с ней, вот почему сейчас я испытываю невероятное беспокойство, вот почему! Мы с Миладой – просто клоны, мы с ней попадали в совершенно одинаковые ситуации! И то, что я раньше работала преподавательницей французского языка, а теперь провожу дни в блаженном ничегонеделанье, а Ми, до того как стать звездой литературы, сначала служила в газете, не меняет общего состояния вещей.

Где Ми познакомилась с Гариком, Настя не знала, и мама не считала нужным откровенничать с дочерью. Но когда девочка впервые увидела Гарика, она испугалась, настолько страшным показался ей этот дядька: толстый, лысый, одышливый, воняющий французским одеколоном, но, несмотря на парфюм, какой-то липко-немытый.

Целый месяц Гарик с регулярностью восхода солнца приезжал в крохотную квартирку, где ютилась Ми с чадами и домочадцами. Букеты, пирожные, какие-то невиданные продукты сыпались из кавалера водопадом. Потом он пригласил Ми с детьми в свой дом. Настя обалдела, когда увидела огромное здание из красного кирпича. Сколько в особняке комнат, она так и не поняла, потому что выше первого этажа побоялась подняться. Впрочем, девочке больше всего понравилось в бассейне, она ощутила себя просто принцессой из сказки, плавая в теплой воде и наблюдая за тем, как улыбчивая горничная сервирует в зоне отдыха чай с роскошными лакомствами.

День прошел волшебно, домой Настя уехала совершенно счастливой, прижимая к себе давно вожделенную вещь: огромный дом для Барби. К нему прилагались мебель, пара пупсов и чемодан с кукольной одеждой. Рядом, на кожаном сиденье шикарной иномарки Гарика, сидел непривычно тихий Кит, время от времени поглядывавший на дорогие часы, которые надел ему на запястье мамин ухажер.

Ночью Насте захотелось пить, и она тихонечко позвала:

– Ма, дай воды...

Но Милада, делившая с ней комнату, не откликнулась. Настя села на постели и поняла, что матери нет. Недоумевая, куда подевалась Ми, Настя пошлепала было на кухню, но перед дверью в нее притормозила. На ночь кухня превращалась в спальню Кита, и брат, который спал на раскладушке, мог разозлиться, а то и отвесить затрещину разбудившей его сестре. Поэтому Настя решила попить воды в ванной, из-под крана. Девочка втиснулась в крохотный, совмещенный санузел и мгновенно услышала раздраженный голос Кита:

– Ты обязана выйти за него замуж.

– Невозможно, – ответила Ми.

Настя замерла, опершись на занимавшую почти все свободное место стиральную машину. Она сразу поняла, что слышит беседу брата и матери. Слова долетали свободно, ведь стена между кухней и ванной была эфемерной.

– Почему? – возмутился Кит.

– Я его не люблю.

– Глупости!

– Для меня нет.

– Ты видела его дом?

– Впечатляет.

– Восемнадцать комнат!

– Слишком много для одного.

– А машины! Два «Мерседеса» и «БМВ»!

– Извини, совершенно не разбираюсь в автомобилях. И мне не очень понравился интерьер – слишком много блестящего.

– Я мог бы жить в мансарде. В шикарном помещении с компом и теликом.

– Ну...

– Он же сделал тебе предложение?

– Да.

– И что?

– Я отказала.

– Почему?!

– Уже ответила: Гарик мне не нравится.

– Дура! – вдруг почти заорал Кит. – Эгоистка! Лишь о себе думаешь! Любовь-морковь тебе нужна!

– Не кипятись, – тихо ответила Ми. – Извини, конечно, что я заговариваю о столь деликатных вещах, но... Брак ведь – это не только разговоры за столом, поездки в роскошных автомобилях и отдых перед огромным экраном современного телевизора. Имеется еще и... интимная сторона. Я никогда не торговала собой за деньги, и меня... стошнит в постели от Гарика. Он – не мой человек. Ни внешне, ни, что главное, внутренне.

– Вот ты какая! А обо мне ты подумала? Живем на две копейки, а все из-за тебя! В квартире не повернуться, и опять же по причине твоей глупости. Одна бабка в отдельной личной спальне, вторая тоже, ты с Настькой в комнате, а я где? На кухне! Никого в гости не позвать! Почему старухи в комфортных условиях, а я на помойке? А? Отвечай! Отчего хотя бы не впихнула их вдвоем в одну комнату?

– Ты же знаешь, Фаина и Ника ненавидят друг друга, вместе их не поселить.

– А за фигом они вообще с нами живут?

– Так уж вышло.

– Гони их в шею!

– Не могу.

– А! Славно выходит! Их надо жалеть, а меня нет!

– Фаина и Ника уже очень пожилые...

– Да они же меня переживут! – взвизгнул Кит. – Господи, хоть бы подошли поскорей, просторней стало бы!

– Нельзя так говорить, успокойся. А давай... я перееду в кухню, а ты к Настюше, – предложила мама.

– Мне с этой соплячкой жить? Да в маленькой комнате повернуться негде, диван и кресло раскладное! Конечно, у нас лучшее – бабушкам... Ты просто обязана выйти замуж за Гарика. Обязана! Обязана! Я хочу иметь свою комнату! Хочу денег! Машину! Бассейн! Нормальную одежду хочу наконец носить, а не джинсы из секонд-хенда! Ясно? Попался на дороге денежный мешок, хватай! Подумаешь, в постель она с ним не может... Эка печаль! Зажмурилась, и вперед! Знаешь, женщины ради детей и не на такое способны, только ты, похоже, меня не любишь. Родила впопыхах и совсем не заботишься, ничего у меня нет. Вон у Володи Алабяна все путем. И у Гоши Медведева. Им родители машины купили. Машины! Вот это, я понимаю, любовь. А у нас? Спи, сынок, под столом, одевайся в чужие обноски. У меня нет денег, чтобы пойти в кино, ты получаешь копейки и тратишь их на Настьку с бабками. Кстати, доченьке своей любимой вечно шоколадки притаскиваешь, а мне? Мне-то что?

– Никиточка... – ласково заговорила Милада, когда сын наконец-то замолчал. – Я люблю тебя, но так уж вышло... Очень надеюсь, что скоро все изменится, у нас будет дом и много-много денег...

– Значит, выйдешь замуж за Гарика? – обрадовался Кит.

– Нет, на подобный поступок не способна.

– Тогда откуда золотой дождь прольется?

– Я написала книгу и отнесла ее в издательство «Марко». Никому пока ничего не говорила, тебе сейчас первому.

– Бред!

– Но ее будут печатать, сегодня оформили договор. Подожди, Кит, я очень работоспособная. Стану звездой, добьюсь всего... Надо лишь потерпеть.

– Ерунда, написанием сказок бабла не заработать!

– Мне дали аванс.

– Сколько?

– Пятьсот долларов.

– Курам на смех! Где же деньги?

– Я их потратила.

– На что?!

– Привела в порядок коммунальные платежи, вернула долг Когтевым, купила Насте платье, – стала перечислять Милада, – тебе видеоманитофон, бабушкам по халату и... все. Гонорар кончился.

– Вот ты какая! – с горечью воскликнул Кит. – Взяла и профукала хорошую сумму! Знаешь ведь, как я мечтал съездить на море, так нет бы сына порадовать... Коммунальные платежи, долги Когтевым... Да Маша с Сережей богаты, им и возвращать ничего не надо. Фу, дура! Платье Насте, халаты

жабам... А мне?

– Видеомагнитофон.

– Дерьмо!

– Но ты же так его просил!

– Так не знал, что полтыщи гринов огребешь, а то попросил бы отдых!

– Кит, подожди. Я выплыву, окажусь на вершине, заработаю. Извини, тебе досталась не лучшая мать.

– Откажешь Гарику?

– Да.

Повисла тишина, потом Никита очень ровно и спокойно сказал:

– Мы из-за тебя всю жизнь будем в дерьме, голодные, раздетые, в сарае. Можешь даже не рассчитывать на успех своих писуллек. Лучше не упusti шанс – выходи за Гарика. Ради меня.

– Нет.

Хлопнула дверь, Настя вжалась в стиральную машину. Больше всего она боялась, что сейчас мама или Кит войдут в ванную и сообразят, что девочка все слышала. Но никто в санузел не вошел.

На следующий день, когда Настя вернулась из школы, ее ждал сюрприз: мама сделала в доме перестановку. Фаину она переселила из самой большой, двадцатиметровой, комнаты в меньшую, ту, что раньше служила спальней ей и Насте. Освободившееся просторное помещение было отдано Киту. Насте теперь предстояло спать на кухне. А самой Миладе на надувном матрасе в коридоре.

Девочка замолчала, потеряла в пальцах бумажную салфетку и добавила:

– Кит все подсмеивался над мамой, звал ее «писакой», но потом притих. Ну, а когда деньги пошли...

Я покачала головой. При всей схожести неких наших со Смоляковой жизненных передраг есть одно, зато кардинальное отличие. Мой Кеша никогда бы не повел себя, как Кит. Слава богу, Аркадий иной человек.

– Так вот... – продолжила Настя. – Я знала, что брат считает маму всего лишь кошельком, поэтому очень удивилась, увидав, как он встревожен. Это когда он обнаружил, что ее нигде нет. У него прямо-таки тряслись руки! Тут же бросился звонить в службу безопасности «Марко», ночью поднял их начальника из кровати.

– Ну, меня как раз подобное поведение не поражает, – вздохнула я. – Никита испугался, что портмоне «сбежало», вполне объяснимо.

Настя вытерла нос салфеткой. Протянула, с сомнением пожав плечами:

– Не-е. Сейчас же у нас деньги всегда есть, дом имеется, земля, машины, и «Марко» исправно платит. Тут иное что-то... Похоже, я ошибалась: Никита все же любит маму.

Итак, после звонка Никиты в «Марко» все завертелось. В издательстве начальство переполошилось, и в осиротевший дом писательницы приехала Рита Водовозова.

– Та, что вела встречу в магазине «Москва»?

– Да, – кивнула Настя. – Она сказала так: «Очень вас всех прошу, никому ни слова правды! Говорите, что Милада с приступом аппендицита в больнице».

– Ой, а я уже кому-то по телефону наврала, что она сломала руку! – воскликнула тут Зизи.

– Дура! – рявкнул Кит. – Кто просил языком молотъ?

– Спокойно, – улыбнулась Рита, – это ерунда. Сейчас главное – убедить народ, что ничего не произошло, что Милада по-прежнему работает, что это просто конкурирующее издательство заплатило нечестным журналистам, дабы те бросили тень на нашу звезду. Известно же, как это делается. Понесутся слухи: Смолякова, мол, исписалась, за нее пашет бригада, или того хуже – Милада умерла, а ее кончину скрывают, дабы и дальше выпускать рукописи, используя наработанный брэнд... В общем, заклятые друзья «Марко» пустятся во все тяжкие, чтобы тиражи Смоляковой обвалились вниз. Но мы не дрогнем!

– Мама-то и впрямь смылась, – напомнил Кит. – Сколько у вас сейчас ее рукописей?

– Пять, – ответила Рита. – А сегодня...

– Вот, – нервно оборвал Водовозову нетерпеливый сынок писательницы, – следовательно, спустя полгода новых дюдиков не появится! Народ все мигом поймет. Писала, писала – и как! Куда подевалась? Господи, что будет со мной?..

– Вы не дали мне договорить, – сухо вступила вновь в разговор Рита. – Утром редактор получил новую рукопись Смоляковой.

– Как? – взвизгнула Зизи.

– По электронке.

– Откуда?

– Адрес установить не удалось. Вернее, мы его вычислили, но это одно из интернет-кафе в самом центре города, поток посетителей в нем огромен. Паспортов у клиентов там никто не спрашивает, купил время – и пользуйся.

– А это точно ее работа? – насупился Кит. – Может, кто-нибудь решил обдурить всех и сейчас сам историю состряпал. Ей-богу, совсем не трудно такие книжонки, как мать, кропать!

– Если считаете написание романов плевым делом, отчего сами не возьметесь за перо? – ехидно поинтересовалась Рита. – Сейчас бы звездили.

Никита побагровел, а Настя быстро поинтересовалась:

– Может, кто под маму подделался?

Водовозова помотала головой:

– Боюсь, вам будет трудно понять... Как правило, близкие люди неверно оценивают личность, около которой живут. На первый взгляд в книгах Милады нет ничего особенного: очень простой текст, никаких философских заумей, в общем, отнюдь не Достоевский. Но романы Смоляковой притягивают, в них ясно просвечивает харизма автора – светлая, положительная. Милада наивна, словно ребенок, у нее чистая душа, и она отражается в книгах. Понимаете, как писатель ни старается, а себя не спрятать. Вот почему одни произведения отлично продаются, а другие, даже порой более талантливые, оказываются в остатках. Как человек приобретает книгу? Идет в магазин и листает томик за томиком, пробегает текст и понимает: это мое, а это – не мое. Я твердо уверена: писатель энергетически заряжает произведение. Если он добр и хочет вам помочь, то получается положительная книга, коли зол, жаден, гадок – рождается отрицательная. Людей обмануть трудно, они тянутся к хорошему. Все зависит, повторюсь, от личности автора. Можно нанять бригаду, скопировать стиль Смоляковой, завертеть сюжет так, что ей и не снилось, избежать всех нелепиц и ошибок, кои порой проскакивают у Милады, и... получится пустышка. В ней не будет Смоляковой, ее ауры, доброты и любви. Подделать Смолякову невозможно, это ее текст. А еще там было...

Внезапно Рита замолчала.

– Что? Говорите! – потребовал Кит.

– Ну, неважно.

– Вы не имеете права скрывать от нас информацию! – топнула ножкой Зизи.

– При рукописи имелись распоряжения от Милады, – тихо ответила Рита. – Семья будет по-прежнему получать деньги.

– Вы обязаны ее найти! – закричал Кит.

Настя с некоторым удивлением глянула на него. Она-то думала, после упоминания о том, что поток денег не прекратится, Кит успокоится, но брат отчего-то разволновался еще больше.

– Да, – кивнула Рита, – естественно. Но нельзя поднимать шум. У Милады имидж простой российской женщины, хорошей матери, хозяйки семьи, бесконфликтного автора «Марко». Она привлекает читателей еще и своей репутацией. Теперь представьте, если вдруг пойдет вой: «Смолякова бросила детей! Писательница удрала от домашнего уюта! Милада больше не желает быть дойной коровой издательства!» Подобные заявления в СМИ ударят по имиджу автора, снизят продажи. Это не надо ни нам, ни вам. Поэтому повторяю: держите рот на замке.

– Но «Желтуха» уже написала какую-то дрянь! – воскликнула Зизи. – Хотя я люблю читать эту газетку, много смешного пишет.

– Ага, обхохотаться можно... – мрачно заметил Кит.

– Знаю, – кивнула Рита, – поэтому и пришла. Скажите, бабушки в курсе дела?

– Нет, – помотал головой Кит.

– Они не интересовались, куда подевалась Ми? – слегка удивилась Водовозова.

– Она часто поздно возвращалась, – скривилась Зизи. – Телевидение, радио, всякие интервью, еще «Марко» обязывает на мероприятиях мелькать...

– Бабки порой ее неделями не встречали, – подхватил Кит. – Мать встает в шесть утра. Нальет себе кофе – и садится работать. Фаина с Никой дрыхнут до полудня, потом гуляют, в три обедают и расползаются по своим комнатам, до ужина, слава богу, не вылезают, телик смотрят.

– Ника дневник пишет, – встряла Настя.

– Ты откуда знаешь? – удивился брат.

– Один раз в библиотеке на столе увидела тетрадь, хотела открыть, но тут пришла Ника и сказала, что это ее дневник, там много чего интересного. Она хочет его издать, и тогда...

– Похоже, в нашей семье сплошняком одни писатели, – заржал Кит. – В общем, после трех мать вылетала из кабинета, живо собиралась и отправлялась звездить. Бабки выползут в гостиную, а невестушки их бывшей и след простыл. Нет, они не волнуются.

– Очень хорошо, – закивала Рита, – в крайнем случае, если начнут любопытство проявлять, скажите: в Германию уехала.

– Старухам по фигу, – махнула рукой Зизи, – им на Ми плевать.

– Но люди все равно поймут, в чем дело, – не успокаивался Кит. – Читатели привыкли часто видеть Смолякову: по телику, в магазинах, где она книги подписывала.

– Милада поедет в «Москву», – заявила Рита. – На сегодня назначена встреча.

– Это как? – аж подскочил на месте Кит. – Вы нашли мать? Чего ж тогда тут дурочку валяете?

– Сейчас объясню, – сказала Водовозова, – я поэтому и приехала к вам. Потребуется помощь Насти...

Глава 5

– Твоя мама целый день работала? – удивилась я. – Всегда считала, что писатели счастливые люди. Встают к обеду, потом гуляют по парку, ждут вдохновения...

Настя засмеялась:

– Ну, это не про маму. Она заводила будильник на пять сорок пять, а в шесть уже сидела за компьютером. И не вставала до трех дня. Затем мгновенно собиралась и укатывала. У нее ведь еще своя программа на телевидении, про животных. Не на центральном канале, но все равно времени много отнимает. Неужели никогда не видели?

– Нет.

– Называется «Наши любимцы». К маме вроде бы приходят гости – кто с кем: собакой, кошкой, хомячком – ну, и разговаривают. В основном известные личности, звезды, но и обычных людей приглашают. Снимают пакетом – сразу по двенадцать передач. А еще мама на радио работает. И других встреч, по мелочи, с теми же журналистами, немало. Раньше представители прессы к нам сами ездили, но потом Зизи разоралась. «Жить невозможно, – кричала, – постоянно не пойми кто по дому шляется, в халате не выйти!» Теперь мама в издательство катается, там интервью дает. Надо ведь не только написать книгу, но и на людях показываться.

– Господи, как же она выдерживает такую нагрузку?

Настя пожала плечами.

– Ми вечно повторяет: я в долгу перед своими домашними, они из-за меня долго жили в нищете, теперь я обязана обеспечить всем надлежащий уровень. Понимаете?

– А где работает твой брат?

– Он... э... в общем, сейчас нигде. Временно... ищет службу.

– А Зизи?

– В журнале.

– В каком и кем?

Настя почесала затылок.

– Глянцевое издание для женщин. Кажется, называется «Кэт». Зизи журналистка.

– Много пишет?

– Ну... не знаю, не читала.

Я отвернулась к окну. Понятно. На самом деле станешь вскакивать в шесть, если на плечах сидят две бабушки-пенсионерки, лоботряс-сынок, лентяйка-невестка и дочь-школьница. Всем небось охота кушать, одеваться, ездить на машине, ходить в парикмахерскую. Очень хорошо знаю, какую сумму наша семья тратит на хозяйство. Причем маленькая деталь: у нас работают все – Кеша, Зайка, Дегтярев, и даже Машка не лоботрясничает на каникулах. Дармоедка в доме одна – я, поэтому и не имею никакого морального права сейчас осуждать Кита и Зизи.

– И что нам делать? – прерывающимся голосом спросила Настя.

– Знаешь, – вздохнула я, – похоже, Милада решила уйти из семьи по собственной воле, желая уберечь вас от какой-то беды. Она ведь прямо написала тебе это.

– Да. Только что за беда-то?

– Понятия не имею. А ты?

– Я тоже, – грустно ответила Настя. – Видела просто, что в последнее время мама нервничала.

– И не спросила, в чем дело, – упрекнула, не удержалась я.

– Нет. Только не подумайте, что мне все равно! – затараторила Настя. – Решила, к ней снова Дуридзе пришел.

– Кто?

Настя поежилась.

– Мама считает меня своей лучшей подругой, она со мной откровенна. Понимаете, доход литератора зависит от тиража. А он колеблется: то больше напечатают, то меньше. Мамуся иногда впадала в панику, прибегала ко мне со слезами. «Настюша, – говорит, – смотри, тираж упал! Все, катастрофа, меня больше не станут издавать, не будут читать, вновь превратимся в нищих...» Понимаете? Она очень боялась опять превратиться в журналистку без постоянного оклада. Бесполезно было в такой момент взывать к разуму, Ми превращалась в невменяемую. Я сначала ругала ее, а потом стала шутить – начнет она плакать, говорю ей: «О! Твой милый Дуридзе появился в гости, гони его вон грязной тряпкой!» Ми начинала улыбаться, ей делалось легче. Вот я и думала, что снова Дуридзе с нами, поэтому особо не занервничала. Ох, я виновата! Если бы подкатилась к ней с разговором, пристала, начала трясти... А я... я поступила, как Кит... занялась своими делами...

И Настя заплакала.

– Перестань! – велела девочке я. – Надо найти Ми непременно и задать ей вопросы. Что за беда грозит семье? Почему в отсутствие Милады беды не будет? То есть как твоя мама связана с мм... неприятностями? Хотела ли она на самом деле спрятаться? Может, письма фальшивые...

– Нет, то, что получила я, точно написано мамой.

– Если тебе к голове приставят пистолет, еще не то сделаешь.

– Ой! – вскрикнула Настя. О подобном варианте она явно не думала.

Чуня принялась мелко-мелко трястись. Я машинально погладила йорка, собачка прижалась ко мне и лизнула в щеку. Несколько секунд мы все втроем сидели молча.

– Помогите мне... – вдруг тихо попросила Настя. – Вы хороший человек, я вижу. Вы понравились Чуне, а собака никогда не ошибается. Вдруг маму мучают, а все бездействуют!

– Думаю, разгадка кроется у вас дома, – вздохнула я. – Мне бы к вам в гости напроситься, но как? Прикинуться дальней, никогда не посещавшей Москву

родственницей?

– Нет, не пройдет. Была бы мама – вопросов нет, Ми всех привечала, а сейчас Кит и Зизи вас взащей вытолкают.

– К тебе какая-нибудь преподавательница не ходит? Я могу сыграть роль нового репетитора.

– Летом? И потом, у меня даже четверок нет, – пояснила Настя, – иду на золотую медаль.

– Бабушки не нуждаются в сиделке?

– Что вы, они у нас здоровее всех, – бормотнула Настя. – Вау, придумала!

– Что?

– У нас хозяйством занимается Раиса, но она не справляется – дом большой, еще готовить, стирать, гладить надо. Ми решила нанять ей помощницу, и завтра утром должна прийти тетка. Кит и Зизи в курсе. Так вот, я позвоню в агентство и дам отбой, а вместо горничной приедете вы. Ну, как? Только ведь придется полы мыть!

– Это ерунда, главное – посмотреть на вашу семью изнутри. Думаю, я быстро смогу понять... где плачет лягушка.

– Что? – удивилась Настя, услышав непривычный оборот речи.

– Мы говорим: «где собака зарыта», а французская поговорка звучит именно так: «где плачет лягушка», – улыбнулась я.

– Ясно, – кивнула Настя.

– Смотри, никому не проговорись. Мы должны сначала сами разобраться во всей произошедшей истории и не навредить при этом Ми.

– Конечно.

– Значит, завтра в десять я у вас. Говори адрес.

– Поселок Воронье озеро.

– По Новорижской дороге?

– Верно.

– Это же в двух минутах от Ложкина, где я живу! Можно пешком пройти, через лесок, – обрадовалась я.

– Здорово!

Лежащий на столике перед Настей мобильный начал вдруг издавать лай. Я даже вздрогнула.

– Это у меня звонок такой, – засмеялась девочка. – Алло! Толик, не волнуйся, я пирожные ем, скоро выйду.

Отложив сотовый, Настя пояснила:

– Шофер беспокоится, Толик. Из поселка-то никак без машины не выехать. Ладно, мы с Чуней пойдем, а то еще водитель сюда заявится и нас с вами вместе увидит.

– Ступай, – кивнула я. – Только имей в виду: завтра я приду загримированной, так что ты уж не удивляйся.

– Хорошо, – согласилась Настя. – А вы сережки снимите и часики. У Зизи в голове калькулятор, мигом вычислит, сколько ваши брюлики стоят.

После того как Настя ушла, я пару минут посидела, размышляя, затем вытащила телефон. Естественно, завтра я не стану обвешиваться золотыми украшениями, отправляясь на работу в качестве поломойки, но ведь и о другом подумать надо,

чтобы изменить свой внешний вид. Ладно, поеду в круглосуточный супермаркет, пороюсь там в корзинках у касс, где навалена дешевая одежда. Если эта Зизи столь внимательна, она сообразит, что все мои простые с виду джинсы, футболки и мокасины стоят довольно дорого. Про любимые французские духи тоже придется временно забыть. Но главное сейчас – заняться прической.

Вообще говоря, я давно крашу волосы, хоть и не люблю в этом признаваться. Натуральные блондинки, увы, тоже седеют, правда, в их шевелюре предательские «серебряные» пряди не столь заметны, как у брюнеток.

Впервые я разглядела у себя несколько седых волосков лет пять тому назад и в полном отчаянии позвонила Оксане.

– И чего такого случилось? – совершенно не испугалась подруга. – Эка беда!

– Ты не понимаешь! – чуть не зарыдала я. – Седые волосы – это ужасно! Значит, стою одной ногой в могиле!

– Ну не дура ли ты? – спокойно ответила Ксюта. – Поседеть можно и в восемнадцать лет.

– Знаю, от горя! Но у меня-то все в порядке!

– О господи... – вздохнула Оксанка. – Все эти глупости про горе распространяют писатели. Медицине не известно ни одного случая спонтанного поседения. Пойми, седина – просто следствие потери волосами пигмента, это не происходит мгновенно. Один романист когда-то накропал глупость, остальные подхватили. Иногда писатели такое пишут! Врачи потом ухохатываются!

– Так от чего можно поседеть в юном возрасте?

– Например, от генетики, – начала терпеливо пояснять Ксюша, – или от неправильного питания. Да сто причин есть! Согласна, волосы белеют с годами, но уверяю тебя: седина вовсе не означает приход старости. Я, между прочим, крашусь с тридцати пяти. Нашла о чем рыдать! Пойди в магазин, подбери себе нужный цвет, и вперед.

Моментально успокоившись, я рысью рванула в ближайший торговый центр и уставилась на полки, где теснились коробочки с краской. На первый взгляд средства выглядели одинаково: красивые упаковки с фотографиями милых женщин, волосы которых радовали глаз яркими и сочными цветами. Меня охватила растерянность.

– Девушка, – потормошила я мирно дремлющую продавщицу, – какое средство лучше?

– Все хорошие, – вяло отреагировала та и вновь задремала.

– Но, наверное, они разные!

– Ага, по цвету упаковки, – буркнула продавщица, которой явно не хотелось работать.

Но я была настойчива.

– Какую взять?

Девушка зевнула, окинула меня недовольным взглядом и, на миг проснувшись, заявила:

– Вон ту, за двести рублей.

Я уже собралась снять со стеллажа рекомендованное средство, но тут меня тронула за рукав худенькая женщина, тоже явно покупательница.

– Не берите, – тихо сказала она.

– Почему?

– У вас много лишних денег?

– Ну... на себя-то не жалко. И потом, если дорогое, то, наверное, хорошее...

Женщина улыбнулась:

– Не всегда. Насколько я знаю, это средство очень плохо красит. К тому же глядите: его никто не берет, коробка пыльная, стоит тут небось год, да еще на самый верх поставлена.

– И что?

– Если товар засунут очень высоко или очень низко, значит, его неохотно берут, пользующиеся спросом вещи ставят на средние полки, на уровень глаз покупателя. Продавщица заинтересована сбыть лежалый, дорогой товар, она оценила ваш внешний вид и подумала: этой можно впарить краску за две сотни, возьмет!

– Откуда вы такие подробности знаете? – удивилась я.

Собеседница усмехнулась:

– Сама в магазине работаю. Хотите мой совет?

– Конечно.

– Вон там продукция уважаемой немецкой фирмы, немецкие товары традиционно качественные. Купите их краску «Палетт», я ею давно пользуюсь и очень довольна. Вот посмотрите, разве мои волосы похожи на крашеную мочалку? Можете пощупать пряди – они мягкие, словно шелк.

– Ага... – с сомнением протянула я, – симпатичные коробочки...

– Вам что-то не нравится?

– Цена.

– Но она ниже некуда!

– Вот именно! Разрекламированная вами «Палетт» стоит совсем недорого, а та краска двести рублей! Знаете, у французов есть поговорка: «Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи».

Женщина усмехнулась:

– Хозяин – барин. Только имейте в виду: себестоимость товара одинакова, вы переплатите за пафос – за коробочку с золотом и фотографию супермодели на упаковке.

– В той краске, что за двести, лежат перчатки!

– И в «Палетт» тоже, – не успокаивалась тетка. – Ну, право, глупо брать товар лишь потому, что он дороже. Хотя у богатых свои причуды. Знаете анекдот? «Встречаются крутые Толян и Вован. Первый спрашивает:

– Слышь, браток, почем галстук брал?

– По пятьсот баксов, – гордо отвечает Вован.

– Эх, фраернулся ты, за углом по тысяче купить можно! – укорил его Толян».

Очень довольная собой тетка захихикала, а я, обидевшись на слишком привязчивую особу, сердито сказала:

– Спасибо за консультацию!

Пальцы схватили коробочку за две сотни целковых.

– Сама не пойму, – покачала головой собеседница, – чего это я вас поучаю? Но все же прислушайтесь к совету, купите еще и эту, – и показала на «немецкую полочку». – Хотя нормально покраситесь, когда поймете, что дорогущее средство – дрянь.

Следовало уйти к кассам, но я неожиданно ухватила и упаковку «Палетт».

Вечером я испытала глубокое раскаяние, смешанное с благодарностью. Незнакомка оказалась права: многорублевая «прелесть» стекла с волос, не оставив на них и следа, а «Палетт» замечательно закрасила седину. С тех пор я пользуюсь только этим средством и спешу сообщить всем знакомым женщинам: не радуйтесь при виде коробочек за бешеные сотни. Не все то хорошо, что дорого.

Поэтому сейчас я поступлю, как всегда, – куплю «Палетт». И тут у меня в сумочке зазвонил телефон.

– Дашка! – заверещала мне в ухо, едва я поднесла к нему трубку, моя хорошая знакомая Светка. – Ты где?

Я усмехнулась.

– По удивительной случайности стою в двух шагах от твоего подъезда!

– Вот и отлично! Кстати, – поинтересовалась Светка, – ты не хочешь покрасить волосы? По-моему, тебе просто необходима смена имиджа.

Я хмыкнула. Тот, кто хорошо знаком со мной, слышал про Светку: она ненормальный человек, всю свою жизнь посвятивший косметологии. Еще в советские времена Светунчик сама варила всем своим подругам особое мыло, делала лосьоны, кремы, маски. Кстати, действовали они прекрасно и стоили очень дешево. После того как Россия плавно въехала в капитализм, Светка стала работать в фирме, которая производит всякие кремы, и весьма там преуспела.

– Ты просто подслушала мои мысли, – пришлось признаться мне. – Я как раз хотела слегка измениться.

– Тогда дуй ко мне! – велела Света.

Я заколебалась: наверняка она мне предложит что-нибудь сверхмодное. А ведь от добра добра не ищут!

– Давай, торопись! – заорала Света. – Я перешла на другое место работы, и мы занимаемся волосами. То есть красками для волос. Новейшие разработки! Чего

тормозишь?

Я вздохнула, сказала, что уже иду, и пошла к хорошо знакомому подъезду. Неумение воспринимать новое – признак старости. А я молодая женщина! Так почему бы и не попробовать новую краску?

Я не видела Светку почти полгода и должна сказать: сейчас подруга выглядела самым диковинным образом. Красивые, довольно длинные, каштановые волосы исчезли, их место занял ежик из коротких, белых, торчащих вверх лохм. Глаза Светка намазала темно-синими тенями, рот желтой помадой, а брови у нее отчего-то стали зелеными.

– Господи, что с тобой?! – невольно вырвалось из моей груди.

– Супер, да? – кокетливо прищурилась Света. – Ты сейчас еще лучше станешь!

Я невольно сжалась от чего-то, похожего на страх. Но назад хода уже не было – если попала в лапы к Светке, то вырваться шансов нет.

Через десять минут я сидела в ванной, ощущая себя более чем некомфортно: по шее текла краска, причем весьма неожиданного цвета – волосы были намазаны какой-то темно-синей субстанцией. Чем дольше я тряслась на табуретке, тем мрачней становилось у меня на душе. Ох, чует мое сердце, ничего хорошего не выйдет... Но даже в самых смелых фантазиях я не могла предположить, что именно увижу в зеркале после того, как Светка воскликнула:

– Готово! Супер! Прикол! Тебя не узнать!

Последняя фраза оказалась правильной на все сто. На меня смотрела из зеркала совершенно незнакомая брюнетка. Я стала выглядеть старше лет на десять и показалась себе страшно уродливой и к тому же больной: глубокий и мрачный черный цвет волос абсолютно не шел к моему лицу.

– Класс, да? – улыбалась Света.

– Ага, – прошептала я. – Сколько держится краска?

– Если голову не мыть, то год, – сделала странное заявление подруга. – Но можешь взять коробочку про запас.

Я вздрогнула и, отказавшись от чая, а заодно и от покупки суперкраски, ушла в полном отчаянии. Сейчас приеду домой и... ну, не знаю, что буду делать! Наверное, придется жить в образе больной, старой вороны. А ведь я всего-то и собиралась для изменения внешности, что перекраситься в рыжий цвет...

На улице лил не предсказанный синоптиками дождь, зонтик я оставила в «Пежо», а машину пришлось припарковать на соседней улице, потому что возле Светкиного подъезда места не нашлось.

Ругая себя за непредусмотрительность, я побежала к автомобилю под потоками ливня. Через секунду на мне не осталось ни одной сухой нитки, по лицу, смывая макияж, текли струи воды, волосы, заботливо уложенные в аккуратную прическу, прилипли к голове. Мне стало смешно: ну и ну, сходила к специалисту мирового класса! Весь Светкин труд насмарку!

Злость придала сил, я прибавила скорость, увидела «Пежо», споткнулась и упала. Мне стало еще веселей. Все правильно! Иначе просто не могло быть! Я свалилась в лужу перед входом в какой-то ресторан, на глазах у швейцара, одетого в ливрею! То-то парню радости, сейчас начнет смеяться... Но тот вдруг вышел из-под козырька и кинулся помогать мне встать, бормоча нечто типа:

– Ай... бонт... конт... донт...

– Простите, не понимаю, – отозвалась я, – спасибо вам за внимание.

– Вы говорите по-русски? – изумился швейцар.

Я тоже удивилась. А отчего это он поражается? Мы находимся в Москве, не в Париже или Нью-Йорке, ясное дело, что основная масса прохожих болтает на языке Пушкина и Гоголя.

– Я москвичка.

– Да, да, конечно. Вы так промокли!

– Дождь идет.

– И руки испачкали.

– Действительно.

– Заходите в наш ресторан, приведете себя в порядок в туалете, – заботливо предложил дядька.

– Огромное спасибо, – улыбнулась я.

– Вот сюда, налево... Видите дверку? Давайте открою, – не успокаивался мужчина.

Сообразив, что швейцар рассчитывает на чаевые, я кивнула и сказала:

– Сейчас приведу себя в порядок и отблагодарю вас.

Дядька расплылся в улыбке.

– Я вовсе не из-за денег, просто мне всегда очень нравились такие, как вы!

Я смутилась. Всегда, слыша комплимент, я начинаю вести себя совершенно по-идиотски – хихикаю, краснею. Согласитесь, странная реакция для дамы, трижды побывавшей замужем.

– Просто мечта с такой, как вы, вечерок провести, – не успокаивался мужчина. – Может, оставите телефончик?

Я заморгала. Ко мне давным-давно не приставали столь откровенным образом! Конечно, следовало возмутиться, поставить наглеца на место, но, если быть честной, неожиданно мне стало очень приятно. Значит, я еще не вышла в тираж и вполне способна привлечь к себе мужское внимание.

– Я недавно с китайкой познакомился, – вдруг признался привратник. – Тоже экзотика, но не то. Мечтал о вас! Даже английский выучил!

Последнее замечание показалось мне более чем странным. При чем тут язык Шекспира? Выходит, мужчина принял меня за англичанку? А что, я действительно напоминаю внешне жительниц туманного Альбиона: белая кожа, голубые глаза. Кстати, французы, уловив в моей речи некий акцент, спрашивают:

– Вы из Нормандии?

И, услышав заверения, что я не родилась в этой провинции Французской Республики, моментально восклицают:

– Значит, англичанка!

– Колер волос у вас классный, – не успокаивался привратник.

Я кокетливо улыбнулась.

– Только что покрасила! От природы я совсем иная.

– Ясное дело, – закивал швейцар. – С вашим цветом кожи такой шевелюры никак не может быть. Выглядит слегка странно, но... очень оригинально!

– Вы находите?

– Да, притягивает взор!

– Спасибо.

– И молодит.

Я засмеялась:

– Правда?

– Конечно. Хотя вам пока не надо никаких ухищрений, небось и тридцати не исполнилось. Так дадите телефончик?

Я совсем не собиралась заводить в ближайшее время романов, да еще со швейцаром ресторана, но он был так мил... И, похоже, я произвела на него сногшибательное впечатление. Право, приятно сознавать себя женщиной, при виде которой представители противоположного пола приходят в экстаз.

– Вы – мечта моего детства, – продолжал привратник. – К тому же еще и россиянка... Дайте телефон, умоляю!

– Сначала умоюсь, – улыбнулась я.

– Конечно, конечно! Сюда, осторожно, не споткнитесь.

Ощущая себя царицей Савской, я вплыла в санузел, приблизилась к раковине, включила воду, машинально глянула в большое зеркало и завизжала.

Те, кто не первый раз встречается с госпожой Васильевой, хорошо знают: я не истеричка. Но сейчас я орала, не в силах захлопнуть рта, и слава богу, что на мой вопль не сбежалась вся местная тусовка. Впрочем, любая женщина отреагировала бы так же, увидав в зеркале абсолютно черное лицо с ярко-красными губами и белые-белые, словно сахарная пудра, волосы, стоявшие дыбом.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы сообразить: негритянка с шевелюрой больной болонки – это я. Но не раньше, чем мои дрожащие пальцы ощупали щеки, лоб, подбородок. Я наморщила нос и высунула язык – отражение послушно повторило мои мимические упражнения. Нет, это правда я! Но что произошло?

Стараясь сохранить трезвость ума, я внимательно всмотрелась в зеркало. Минуточку! Я ведь сегодня вышла из дома в нежно-розовой кофточке... Так отчего же она сейчас серо-буро-малиновая, а? И тут я все поняла.

Светка выкрасила мои волосы в цвет вороньего крыла, но, очевидно, не была уверена в стойкости средства, то-то она на мой вопрос: «Как долго продержится краска?» – брякнула: «Если не мыть голову, то год». А почему не следовало мочить волосы? Да потому, что от воды краска мигом слезает! Я попала под сильный ливень, волосы начали стремительно терять приобретенный цвет,

черная жидкость потекла по лицу, по кофте, и получилось... Тихий ужас, вот что получилось!

В жутком потрясении я набрала пригоршню жидкого мыла и принялась тереть лицо. Процедуру пришлось повторить не один раз, прежде чем кожа потеряла откровенную черноту, теперь она имела лишь серый, землистый оттенок – я походила на человека, перенесшего тяжелейшую операцию.

Решив применить дома самый сильный скраб, я вышла в холл, снова столкнулась с привратником и, не желая обидеть милого дядечку, ласково сказала:

– Понимаете, я замужем.

– Очень рад, – буркнул швейцар.

От его приветливости не осталось и следа. Метаморфоза слегка озадачила, но я решила продолжить беседу:

– Люблю своего мужа.

– Хорошо.

– Не изменю ему.

– Похвальное поведение.

– Пожалуйста, не обижайтесь.

– На что?

– Я не могу дать вам свой телефон. Нет, нет, вы очень приятный человек, но измена супругу...

– Дама, – вытаращил глаза швейцар, – вы... того, да? Зачем мне ваш телефон?

– Сами просили.

– Я?

– Вы.

– Когда?

– Пару минут назад.

– У вас?

– Именно.

– С ума сойти!

– Неужели не помните: я упала на улице, вы помогли мне подняться...

Привратник шарахнулся в сторону.

– Та была негритянкой!

– Это я.

Мужчина отступил назад.

– Мне африканки нравятся, – прошептал он. – С детства! Мечта! Английский выучил! А вы... вы того... вы какого-то непонятного цвета, серого...

Тут входная дверь ресторана распахнулась, и на пороге появилась молодая пара. Швейцар кинулся к ним, словно утопающий к спасательному кругу. Я снова вышла под дождь и уже не спеша побрела к своему «Пежо». Ему, видите ли, нравятся негритянки! Скажите, пожалуйста, какой эротоман! Вот сейчас вернусь в Ложкино и покрашу волосы своей любимой краской «Палетт». Уж она-то не боится ни дождя, ни снега, ни цунами, ни сирокко,[2 - Сирокко – резкий, жаркий ветер из пустыни.] ни наводнения! Только сначала заеду в магазин и куплю заветную коробочку, содержимое которой придаст моей шевелюре теплый и приятный глазу рыжий цвет. Стану похожа на лисичку. Это ли не изменение

внешности?

Глава 6

В десять утра я, сверкая красивыми рыжими волосами, нажала кнопку домофона, прикрепленного к вычурному столбику в ограде дома, где проживало семейство писательницы Смоляковой.

Собираясь представиться помощницей домработницы, я приняла соответствующий вид: дешевое, мешковатое серое платье, украшенное поясом с пряжкой, переливавшейся яркими стразами. На шее у меня болталась цепочка с чудовищным медальоном, изображавшим знак Зодиака, на мочках ушей крепились пластмассовые клипсы. Ноги были обуты в матерчатые тапки с названием известной фирмы, но с ошибкой в написании, что частенько встретишь на рыночном ширпотребе. В руках я сжимала ярко-зеленую сумку из искусственной кожи.

– Кто там? – спросили изнутри.

– Здравсти, – засепетила я, – извините, конечно, коли помешала! Из агентства прислали, вы домработницу нанимали.

– Входи, – донеслось до моих ушей.

Замок звякнул, калитка открылась, и я прошла во двор.

Дом Смоляковой, стилизованный под средневековый замок, смотрелся вполне органично. Башенки, балкончики, некое подобие мостика на цепях, который следовало перейти, чтобы оказаться у парадного входа... Вот уж не предполагала, что Милада обитает в подобном здании. «Замок» никак не вяжется с ее обликом и книгами.

Не успела я добраться до мостика, как огромная парадная дверь распахнулась, и на крыльце появилась темноволосая, полноватая девушка в слишком узких джинсах. Окинув меня оценивающим взглядом, она спросила:

– Это ты поломойка?

– Да, – смиренно ответила я. – Простите, конечно.

– Ступай с заднего входа, тут дверь не для прислуги! – рявкнула девица. И вдруг забормотала: – Вот черт, ноготь отлетел. Ну, маникюрша хренова, сделала гель, еле держится... Скоро с большого пальца слетит! – Девушка подняла на меня глаза: – Чего стоишь? Двигай задницей!

– Слушаюсь.

– Да поживей!

Я ринулась бегом вокруг масштабного здания и нашла еще одну дверь, не такую пафосную и дорогую. Она оказалась открыта.

Я всунула голову внутрь:

– Можно?

– Входи, входи, – приветливо прозвучало в ответ, и я увидела молодую женщину, похожую на альбиноску. Волосы ее были белыми, но не седыми, и не колера свежей соломы, а просто бесцветными, такими, как пух у юного ангорского кролика. Крупное лицо с толстыми щеками и носом-картошкой было не слишком красивым, но и назвать уродкой незнакомку было невозможно. Самая простецкая мордашка. Если проехать по Нечерноземью, то в каждой деревеньке найдется пять-шесть подобных бабенок. Они хорошие хозяйки, замечательные матери, дело горит у них в руках, и все успевается: скотина накормлена, дети присмотрены, муж под каблуком, щи сварены, в огороде полный порядок, погреб ломится от запасов. Лишь одна деталь отличала стоявшую передо мной женщину от тех баб: у нее были странные глаза, почти квадратные, раскосые, внешние уголки век поднимались к вискам. И смотрели они на мир с невероятным, абсолютно детским изумлением.

– Полы у нас мыть будешь? – вполне мирно спросила незнакомка. – Чего молчишь? Или оробела? Входи! Знаю, что сегодня помощница явится. Я Рая. А тебя как звать?

– Даша, – кашлянула я. – А куда идти?

Раиса поманила меня рукой.

– Сюда. Вот, гляди, тут кладовка. Утречком пришла, свою одежду сняла, надела форму. Ты, похоже, не толстая, моя подойдет. Ну, начинай, чего скуksилась?

С этими словами домработница протянула мне черное платье и белый передник. Я мигом переоблачилась.

– Тапки держи и голову косынкой повяжи, – велела Рая. – Ну, вроде ничего вышло. Теперь слушай. Всю работу по дому делаю я, ты мне в помощь. Пыль вытирай аккуратно. Не дай бог, побьешь чего – из зарплаты вычтут. Туалет вот тут. Коли в доме приспичит, не вздумай какой-либо из хозяйских ванн воспользоваться, мигом под зад коленом дадут. Моешь паркет да плитку и молчишь, к хозяевам не пристаешь. Упаси тебя бог разговоры затевать и собой грузить! До ночи тебя тут никто держать не станет, оттерла грязь – и прощай. Да, чуть не забыла... Тут полно домашних животных – их бить нельзя!

– Мне бы и в голову такое не пришло, – заверила я.

– Это хорошо, – закивала Рая. – Будешь исправно служить – награжу. Вообще, место райское. Ладно, теперь по-дружески скажу: повезло тебе выше крыши, таких хозяев поискать. Лиза часто вещи выбрасывает, они ей надоедают, вот и велит: «Несите на помойку». А в пакетах-то все хорошее, новое! В общем, упакуешься. Чай пить можно, с бутербродами, если какие продукты со срока сошли, бери – не жалко. Скажем, написано на йогурте: «Использовать до 10 июня», так его и двадцатого слопать можно, я вот, например, еще ни разу не отравилась. Алкоголиков в доме нет, под юбку к тебе никто не полезет. Наши, имею в виду прислугу, все нормальные, что Толик, что Сергей Иванович.

– Это кто?

– Толик? Шофер. Хороший парень и, промежду прочим, холостой, но для тебя молодой слишком. Вот Сергей Иванович, садовник, самое оно. Ты замужем?

– Нет.

– Может, и свадебку сыграем, – засмеялась Рая.

Я улыбнулась в ответ. Никакой издевки в голосе Раисы не слышалось, просто она, как ребенок, радовалась от предвкушения предстоящего праздника.

– Райка! – донеслось из глубины дома. – Куда пропала? Погладь мои брюки.

– О господи! – всплеснула руками домработница. – Совсем забыла! Давай, вот пылесос, ведро, тряпка, швабра, начинай с третьего этажа, там в мансарде Настя живет. Иди, иди!

Продолжая говорить, она впихнула меня в просторный холл, заставленный вычурной дорогой мебелью, и ткнула пальцем в лестницу:

– Ну, лезь наверх.

Я покорно выполнила приказ и, таща за собой пылесос, дотопала до чердачного помещения, где моментально увидела Настю, Чуню и двух скотчтерьеров.

Собаки не залаяли, а девочка раскрыла было рот, но я, быстро приложив палец к губам, сказала:

– Уж простите, коли помешала, меня Раиса прислала полы помыть.

– Да, пожалуйста, – ответила Настя.

Я приступила к работе и, протерев покрытые лаком доски, спустилась на второй этаж. В холле помещалась библиотека. Огромные шкафы из красного дерева, украшенные латунными накладками, ломились от книг. Мне стало интересно, и я начала рассматривать тома: Джек Лондон, Жюль Верн, Виктор Гюго, Вальтер Скотт, Пушкин, Лермонтов, Бунин, Куприн, Лесков. А вот и полки с Агатой Кристи, Рексом Стаутом, Диком Фрэнсисом. Все понятно, Смолякова не только пишет детективы – она обожает их читать.

– Надеюсь, вы уберете в моей комнате, – послышался за спиной вкрадчивый, приторно-сладкий голосок.

Я вздрогнула и обернулась. В двух шагах от меня стояла полная дама со старомодным начесом.

– Вы же помощница нашей лентяйки? – ласково спросила она.

– Кого? – прикинулась я идиоткой. – Простите, конечно, меня позвали Раисе помогать.

Дама закатила глаза.

– Наконец-то! Я задыхаюсь от пыли, почти получила астму, а Миладе и дела нет, лишь о ерунде думает! Конечно, теперь со мной можно не считаться, но она ошибается. Знаете, кто я?

– Нет, простите, конечно.

– Вероника Григорьевна Трубецкая.

– Здравсти. А я Даша, – по-идиотски заулыбалась я. – Простите, конечно.

На морщинистое личико Вероники Григорьевны напоззло слегка брезгливое выражение.

– Не сообразила, кто я? – процедила она сквозь идеально сделанные вставные зубы. – Я являюсь хозяйкой дома!

– Ой, ой, ой! – запричитала я. – Уж простите, конечно, я так ваши книги люблю, прям тащусь!

– Ты о чем? – вздернула брови Ника.

– Вы же писательница Смолякова!

– Я?

– Ну... Мне в агентстве сказали, это дом литераторши!

Ника быстро оглянулась, потом крепкой, совсем не старческой рукой уцепила меня, то бишь помощницу домработницы, за плечо и впихнула в просторную спальню, заставленную статуэтками, вазочками, конфетницами и прочей лабудой.

– Видно, до тебя, душа моя, дошла неверная информация, – возвестила дама. – Садись, объясню, что к чему.

– Простите, конечно, но мне убирать надо.

– Сидеть! – пригвоздила меня взглядом к стулу старуха. – Раз велю – изволь слушать! Значит, так... Я мать мужа Милады, вернее, бывшего супруга. Мой сын – святой человек. Умный, богатый, красивый, а пожалел никчемную бабу и из чистой жалости женился на ней. От Милады, право слово, никакого толка, кроме неприятностей. Ничего она делать не умеет! Мой мальчик уехал из России, предварительно разведясь с малопривлекательной супругой. Но, будучи человеком честным, благородным и воспитанным в интеллигентной семье, счел нужным облагодетельствовать неумеху, дал ей денег на сей, с позволения сказать, замок, а мне велел: «Мама, приглядывай за хозяйством, иначе Милада добро прогуляет, профукает, по ветру пустит». Ясно теперь, кто тут хозяйка?

– Ага, – закивала я. – Понятное дело, вы – самая главная.

– Молодец, – улыбнулась наконец довольная Ника, – правильно рассуждаешь! Значит, чью комнату следует убирать с особым тщанием?

– Вашу.

– И это правильно. Будешь стараться – дам подарок.

– Ой, спасибоочки!

– Видно, ты хорошая девушка, исполнительная, – сладко пропела старуха.

Я потупила взор.

– Вот и ладно, – закончила знакомство с новой прислугой Ника. – Пойду кофейку попить, а ты принимайся фигурки мыть. Да осторожно, разобьешь какую – выгоню!

Я окинула взглядом бесконечные ряды разнокалиберных статуэток и попыталась отбиться от оказанной чести.

– Мне приказано лишь пол тереть.

– Кем же дано такое указание?

– Раисой.

– Райкой?! – с неподражаемым выражением воскликнула Ника. – Ну-ка, скажи, кто тут хозяйка?

– Вы.

– Значит, мой мою коллекцию, – процедила старуха и направилась к двери. Но, почти дойдя до порога, притормозила и сказала: – Упаси тебя бог тронуть вон ту толстую тетрадь. Ясно?

– Да.

– Не прикасайся к ней!

– Хорошо.

– Знаешь почему?

– Нет, простите, конечно.

– В ней мои записи, мысли и наблюдения. Дневник великой, много страдавшей женщины. Настоящий роман, не чета тем поделкам, которые строчит Милада. Кстати, ее первая книга украдена у меня!

– Как?!

– Очень просто, – снисходительно кивнула Ника. – Я придумала историю, набросала вкратце сюжет и – о, моя святая наивность! – рассказала за чаем о своих идеях, поделилась с теми, кого из благородства пригрела под широким, уютным крылом. И что? Ну? И что? Отвечай, что?

– Простите, не знаю!

– Нетрудно догадаться! Пока я обдумывала сюжетные линии, составляла план, Милада живехонько, за недельку, накропала отвратительную повестушку и сволокла в издательство. Ей там сказали, что текст никуда не годится, русским языком автор не владеет, выглядит, будто китаец состряпал, но напечатали.

– Зачем же «Марко» взялось публиковать повесть, если вещь казалась плохой? – выпала я на минуту из образа придурковатой полумойки.

Ника, к счастью, этого не заметила, усмехнулась.

– Ты, любезная, далека от мира искусства, а я, можно сказать, плаваю в море культуры много лет. Мой сын – великий литератор.

– Ой, а что он выпустил? – вновь принялась я старательно ломать комедию. – Люблю читать приключения, а еще рассказы о животных.

Ника скривилась.

– О боги! Милочка, тебе лучше увлечься, с позволения сказать, творчеством Милады. Думаю, оно придется тебе по вкусу. Мой сын создает эпическое произведение, полномасштабное полотно, чем-то напоминающее великий роман «В поисках утраченного времени». Ты, естественно, никогда не слышала об этой книге.

– Ничего не знаю о Прусте,[3 - Марсель Пруст, французский писатель (1871 – 1922), не надо путать его с Болеславом Прусом (1847 – 1912), польским романистом.] – живо подтвердила я и тут же прикусила язык. Более идиотского замечания из уст помощницы домработницы и придумать трудно.

Но Ника снова не обратила внимания на мою оплошность – то, что неотесанная баба-поломойка правильно назвала автора эстетской книги, ее не удивило. Очевидно, ей, занятой исключительно собой, любимой, просто не было дела до окружающих.

– Мой великий сын, – вздохнула она, – тщательно, в деталях, описывает каждый свой день. Это будет величайшее произведение эпохи, оно переживет века, станет пособием для тех, кто захочет изучить быт и нравы человечества на рубеже двадцатого и двадцать первого веков. Ясно?

– Но, простите, конечно, получается, что роман можно опубликовать лишь... э... после смерти автора?

Ника вскинула подбородок.

– Да! И в этом основное величие моего сына! Марсик – мессия! А Милада – жалкая поденщица, думающая лишь о деньгах, ясно? Но народу хочется жвачки, люди не желают утруждать мозг, оттого Смолякова и популярна. Право слово, бедная страна, в которой бешеные деньги можно получить за мусор. Впрочем, не укради она мою книгу – ничего бы не получила. Но я, как хорошо воспитанный человек, простила девчонку, более того, держу ее в своем доме, пою, кормлю, одеваю, обуваю...

– Ника, – раздался из-за двери высокий, нервный голос, – завтрак на столе.

– Иду, дорогая! – откликнулась дама. Потом она заговорщицки подмигнула мне: – Это еще одна нахлебница, Лиза, жена отвратительного парня Никиты. Ладно, ты тут приведи все в порядок, а потом поболтаем. Значит, к тетради не приближайся! Иначе уволю!

Докончив «выступление», Ника выплыла из помещения, и я осталась посередине просторной спальни, заваленной хламом. Да протереть все находящиеся здесь предметы практически невозможно! Одних только настольных ламп тут штук двенадцать, и все они с матерчатыми абажурами! Пригорюнившись, я решила начать с подоконника, на котором толпилась армия фарфоровых балерин. Пока руки пытались выковырять из их многослойных юбок куски уже окаменевшей пыли, в голове вальсом кружились мысли.

Право, Ника нелогична. По ее словам, Ми пишет гадкие книжонки, а началось все с идеи, украденной у Ники, у которой в голове родился гениальный сюжет. Но, значит, хоть одно произведение Смоляковой потрясающее – то самое, спертое у Ники. Дама же уверяла, будто старт Ми начался с совершенно непотребной рукописи, написанной отвратительным языком... Тогда почему издательство решило опубликовать слабое, «китайцем состряпанное» произведение, а?

Есть некая нелогичность и в сетованиях Ники по поводу денег. Ладно, пусть бабуса вместе со своим гениальным и великим сыночком-мессией содержит Ми. Но тогда отчего она так злопыхательствовала по поводу писательниц, получающих большие деньги за дрянь? Ох, похоже, милая дама терпеть не может бывшую невестку и просто отчаянно завидует ей.

– Ты чего тут делаешь? – громко прозвучало за спиной.

Я, погруженная в раздумья, вздрогнула, обернулась и уронила статуэтку. Послышалось тихое «дзынь», у фигурки отлетела голова.

– Ой! – не на шутку испугалась я. – Что ж теперь будет? Раечка, меня выгонят?

– Наплюй! – быстро сказала домработница, входя в комнату. – Главное – никто, кроме меня, не видел. Давай живенько все соберем и в помойку выкинем. Ну, чего стоишь?

Рая опустилась на корточки.

– Ника меня уволит, – прошептала я.

– Кто? Вероника? Цирк прямо! Забудь!

– Увидит, что безделушки нет, и обозлится.

– Знала б ты, сколько я у нее добра побила... – улыбнулась Рая. – И не перечесать! Сама-то она ничего не помнит, расставь их пошире и выбрось из головы.

– Очень нехорошо так работу начинать, – тоненько запричитала я, – у хозяйки набезобразничать...

Рая перестала собирать останки несчастной балерины.

– У кого? – широко распахнула она свои необычные глаза.

– Так Ника сказала мне, что тут все ее!

Раиса улыбнулась.

– Она брешет. Знаешь, кто такая Ника?

– Ну... владелица дома.

Рая оглянулась на дверь и, понизив голос, сообщила:

– Она прихлебалка, одну лишь пенсию имеет. Уж я-то точно знаю, потому что раз в месяц ей из города деньги привожу. Ника – бывшая свекровь Милады, бабушка Насти. Вот уж кому не повезло, так это девчонке – такую жабу в родственниках иметь! Не обращай внимания на старухины выступления, над ней тут потешаются. Она тебе небось еще и про великую книгу пела?

– Да, – кивнула я, – запретила вон ту тетрадь трогать.

Рая прищурилась, потом встала, отряхнула юбку, приблизилась к столу и схватила толстый ежедневник.

– Ой, ой, – запричитала я, – положи, нас уволят!

– Не бойсь, – улыбнулась домработница. – Я тоже попервости думала, что там нечто этакое написано. Любопытство разобрало, ну и сунула нос. Во, слушай! «Двадцатое мая. Утром желудок работал нормально. Днем не захотела обедать, вечером съела запеканку с мясом. Двадцать второе мая. Утром проблема с желудком, приняла двадцать капель слабительного. Днем кишечник очистился, вечером ужинала свининой с черносливом. Двадцать третье мая. Утром кишечник не освободился, выпила таблетку. Днем ругала Настю – она посмела

при мне хвалить Миладу. Вечером съела шоколадный торт». Ну, как? Здорово? И так – на всех страницах. Главная тема: сходила она в туалет или нет. А еще вот, смотри, какая у нее тут славная вещь: список обид.

– Что? – не поняла я.

Рая тяжело вздохнула.

– Ника – настоящая хитрованка. Когда все вместе находятся, она пушистым одуванчиком прикидывается, а потом начинает с каждым по отдельности беседовать и грязь на Ми лить. Схватит тебя за подол и гундит: «Здесь все мое, вот будешь хорошо ко мне относиться, упомяну в завещании. Но имей в виду: проявишь непочтение – внесу в список обид». Вот он, полюбуйся!

Я взяла тетрадь.

– Тут много страниц, – пояснила Рая, – и все о претензиях. Последние записи глянь.

Мои глаза разом охватили указанный текст.

«452. Никита не поздоровался утром.

453. Милада привезла вишневый торт, хотя ей давно известно, что я ем лишь клубничный.

454. Лиза взяла мой журнал.

455. Настя съела последнюю конфету из вазы, забыв предложить ее мне.

456. Бетти пописала у дверей моей спальни. Нарочно. Ее подучила Настя. Отвратительная девочка, ее следует выпороть».

– Может, у нее с головой беда? – осторожно предположила я. – С пожилыми людьми такое случается. Ну, как можно всерьез предположить, что собачка

нарочно напрудила лужу? Ей-богу, смешно!

Рая стала осторожно передвигать уцелевший «кордебалет» на подоконнике.

– Знаешь, чего я тебе скажу, – в конце концов заявила она, – человек на лакированную шкатулку похож: с внешней стороны красиво блестит, а изнутри либо доски, либо картонка, либо еще чего малопрigлядное. Притворяется всю жизнь, а к пенсии лак-то пообтреплется и нутро вылезет, тут-то и понятно делается, кто есть кто. У кого драгоценная древесина покажется, а у кого бумага плесневелая. Ясно?

Я не успела ответить, потому что снизу понесся крик:

– Господи! Зовите врача!

– Ерунда, это от перемены погоды!

– Живей, живей!

Мы с Раей, не сговариваясь, кинулись к двери.

Глава 7

Раиса бежала первой, я следовала за ней. В этом порядке мы и влетели в просторную комнату, явно столовую, потому что посередине ее громоздился длинный стол, заставленный чашками и тарелками.

– Райка, немедленно звони Андрею Викентьевичу! – велел худой темноволосый молодой мужчина, по всей вероятности Никита.

Домработница кинулась в коридор, а я осталась бестолково стоять, прислонившись к косяку. На меня никто не обращал ни малейшего внимания – все присутствующие столпились возле дивана, на котором лежала худенькая старушка в не по возрасту ярком розовом платье.

– Ей совсем плохо, да? – озабоченно воскликнула Настя, прижимая к себе лихорадочно трясущуюся Чуню.

– Ерунда, – довольно равнодушно ответила толстушка, открывшая мне дверь, – не в первый раз такое.

– Сказано же было – не ешь дурацкие таблетки! – резко воскликнул Никита. – Опять дряни нажралась... Ну как человеку объяснить, что моложе уже не станешь!

– Притворяется, – безапелляционно заявила Ника, – внимание к себе привлекает. Ей-богу, у некоторых людей абсолютно бескрайний эгоизм. Я села пить кофе, а ей плохо!

В этот момент старушка на диване громко всхлипнула, Чуня глянула на нее и завывала в голос.

– Уйми кретинскую собаку! – рявкнул Никита.

– Чунечка, – зашептала Настя, – успокойся. Чего ты разволновалась? Все хорошо.

Но йоркшириха продолжала рыдать.

– Или ты ее затыкаешь, или я вышвырну эту пакость из окна! – заорал Никита.

– Не посмеешь! – твердо ответила Настя. – Чуня – мамина собака. Вот приедет Ми, и что ты ей скажешь?

Серо-бледные щеки Никиты стали принимать синеватый оттенок. Я вздрогнула. Сына Милады можно было назвать приятным, даже красивым молодым мужчиной, которого спокойно взяли бы работать на подиуме: у него высокий рост, стройная фигура, широкие плечи и никакого намека на живот или сутулость. Волосы его вились крупными красивыми волнами, лицо имело правильные черты и свежую кожу, покрытую ровным загаром. Наверное, вернулся с моря, а может, посещает солярий. Пахло от красавчика дорогим одеколоном, ногти у него на руках были тщательно отполированы, а одежда изумительно подобрана по цвету.

В общем, безупречный мужчина, который смотрится юношей. Впечатление портили глаза – маленькие, глубоко посаженные, непонятного, «кошачьего»

цвета, то ли карие, то ли рыжие, то ли желтые, что, согласитесь, совсем уж странно для человека. Глаза Никиты жили отдельной жизнью, и казалось, на их дне плещется нечто неприятное, отталкивающее. Так красивая гладь озера скрывает под собой опасный омут, в котором гибнут ничего не знающие о ловушке купальщики.

Мне стало страшно. Старушка в розовом лежала очень тихо, изредка издавая странные звуки. Настя пыталась успокоить заходившуюся в истерике Чуню, Лиза нервно постукивала ногой по паркету, Ника спокойно пила кофе. Никита вдруг глянул на меня.

– Ты кто? – слетел с его уст грубый вопрос.

Я не успела представиться – из коридора послышался крик Раи:

– Андрей Викентьевич приехали!

И в столовую быстрым шагом вошел полный мужчина лет сорока.

– Что у нас случилось нехорошего? – проворковал он. – Добрый день, Ника, вижу, ваша печень теперь работает как часы. Лизочка, ангел мой, отчего на прелестном личике тревога? Настюша...

Андрей Викентьевич не закончил фразу – его взгляд сфокусировался на лежащей старушке. В одно мгновение доктор оказался около дивана и начал действовать решительно. Из чемоданчика появился тонометр, затем шприцы, ампулы...

Присутствующие смотрели на врача, словно загипнотизированные, одна Ника преспокойно лакомилась булочкой с таким видом, словно находилась в столовой абсолютно одна.

– Ее следует госпитализировать, – нервно сказал Андрей Викентьевич.

– Ой! – воскликнула Настя.

– Похоже, Фаина опять объелась таблеток, – продолжил врач.

– Вот дура! – отреагировала Лиза. – Сто раз говорено было: прекрати тащить в рот всякое дерьмо! Дохуделась... Теперь кучу денег на ее лечение истратим. Андрей Викентьевич, можно найти не слишком дорогую клинику? У нас на данном этапе большие проблемы. Да заткните вы ее!

Последнее восклицание относилось к бьющейся в истерическом припадке Чуне.

Никита обнял жену за плечи и широко улыбнулся. Блеснули красивые, ровные, белые зубы.

– Милая, ты забыла, мать давно прикрепила всех к больнице «Забота» и оплатила годовые абонементы. Насколько понимаю, особые расходы нам не грозят?

– Нет, – ответил Андрей Викентьевич, – вы имеете там полный спектр услуг. Милада предусмотрела все возможные форс-мажоры, даже страховку на случай похорон.

– Совсем хорошо! – обрадовалась Лиза. – А то у нас сейчас с деньгами полная труба.

Никита подтолкнул жену к двери.

– Дорогая, тебе надо пойти отдохнуть!

– С какой стати? – заупиралась его половина.

– Очень нервничаешь.

– Я?

– Ты.

– Совсем не... – завела было Лиза, но тут муженек уже довольно грубо поволок ее вон из столовой.

– Ей сильно плохо? – прошептала Настя.

Андрей Викентьевич глянул на девочку.

– Ну, скажем, не слишком хорошо. Фаина человек немолодой, и лучше перестраховаться – пусть она пару денечков проведет в стационаре.

– Господи! – запричитала Рая. – А бледная-то какая! Вот не повезло, вот скрутило...

– А не надо чужие чашки хватать, – внезапно вмешалась в разговор Ника. – Сколько раз говорила ей: бокал в розовых цветочках мой, а ваш – с васильками. Нет, вечно брала не свое, вот господь и наказал. И правильно: не хапай чужие вещи!

Настя заморгала, и тут в столовую вошли двое мужчин в голубых комбинезонах, украшенных надписями «Забота».

– Здравствуйте, Андрей Викентьевич, – сказал один.

– Быстро-то вы как... – откровенно обрадовался врач.

– В Ложкине были, – пояснил второй фельдшер. – Как раз там дела закончили, когда диспетчер позвонила. Мы ее забираем?

Чуня, притихшая было, начала новый концерт. Душераздирающий вой собачки ударил по нервам.

– Настюша, – ласково сказал врач, – думаю, тебе лучше уйти.

Но девочка словно приросла ногами к полу.

– Вот безобразие! – громко сообщила Ника. – У меня голова заболела! Андрей, извольте измерить мне давление!

Доктор покорно взял тонометр, подошел к даме. Потом глянул на меня, спросил:

– Вы кто?

– Помощница домработницы, простите, конечно, – стала кланяться я. – Мы тут первый день в услужении, извиняйте, если чего не так.

– Голубушка, – мирно продолжил Андрей Викентьевич, – возьмите Настю с собачкой и уведите в сад. Там, с тыльной стороны дома, имеется беседка, посидите с ребенком. Когда Фаину увезут, вас позовут назад. Девочке не следует сейчас находиться в столовой. Ступайте, ступайте...

Мы с Настей покорно двинулись к большой стеклянной двери, за которой простиралась терраса. Последнее, что я услышала, был недовольный голос Ники:

– Андрей, ну сколько можно ждать? Право, странно, столь долго заниматься симулянткой и не обращать никакого внимания на даму, которой на самом деле плохо!

Беседка оказалась застекленным домиком, обставленным в восточном стиле. Настя села на один из низких диванов, заваленный длинными валиками-подушками, и воскликнула:

– Вот! Опять таблетки!

– Ты о чем? – не поняла я.

Девочка махнула рукой.

– Фаина, бабушка Никиты, когда-то давно была балериной. Танцевала она совсем недолго – вышла замуж за Михаила Львовича и бросила сцену. Честно говоря, подробностей ее биографии я не знаю. Фаина то одно рассказывает, то другое, но она страшно гордится своим весом, каждое утро спускается в столовую и заявляет: «Дайте мне тостик из черного хлеба и несладкий чай. Следует беречь фигуру, всю жизнь вешу сорок восемь килограммов, не то что некоторые...» Некоторые – это она про Лизу. Фаину просто крючит при виде жены Кита, а Лизавету передергивает от старухиных замечаний. Фаина Лизу нарочно доводит, чуть не через каждые пять минут восклицает: «Ожирение в сорок лет обещает раннюю смерть. Лизочка, хотите, посоветую диету? Знаете,

человечество пока не придумало более эффективного способа сохранить такую замечательную фигуру, как у меня, чем отказ от чрезмерного потребления пищи».

Я улыбнулась.

– Лиза не похожа на бочку с салом.

– Нет, конечно, – подхватила Настя, – у нее сорок восьмой размер. Только Фаине все вокруг толстыми кажутся. Даже Чуня. Она тут как-то заговорила, что собак и кота надо ограничить в еде, и мама ей тогда возразила: «Животные в хорошем состоянии, не перекормлены». А Фаина сморщилась и как рявкнет в ответ: «Не знаю, не знаю, Табби умерла, и эти тоже скоро за ней отправятся, и все из-за твоего неумения обуздать их аппетит».

– Кто такая Табби?

– Болонка, – грустно ответила Настя. – Мама ее очень любила. Табби умерла молодой, ей и четырех лет не исполнилось. Почечная недостаточность. У нее с рождения имелся дефект, какой-то генетический сбой. По идее, Табби следовало скончаться в шесть месяцев, но мамочка ее вытянула, подарила несколько годков жизни и очень плакала, когда собака умерла. Ми до сих пор считает себя перед Табби виноватой: не спасла, не сумела. Я стараюсь никогда не вспоминать при маме про болонку, но Фаину остановить никак нельзя, она просто травит маму. А та, как услышит ее слова про грядущие собачьи болезни, мигом к ветеринару: осмотр, анализы, УЗИ. Для мамы животные – тоже дети.

– А что за таблетки пьет Фаина? – решила я увести Настю подальше от печальной темы.

Девочка улыбнулась.

– Год тому назад к нам в гости приезжала одна мамина знакомая. Она в цирке работает, с фокусником. Видели когда-нибудь, как факир ящик с женщиной перепиливает? Лежит тетка, из отверстий торчат руки, ноги, голова. Подходит к ней «волшебник» с пилой и – вжик – напополам разрезает. Получается две «коробки», из одной голова и верхние конечности видны, из другой – нижние, и все шевелятся. Потом половинки сдвигают вместе, и целая тетка выбирается

наружу. На самом деле ассистенток две, и они в ящиках скрюченные лежат. Знаете, да?

– Конечно, – кивнула я. – Детский трюк, его лет сто демонстрируют, и все давным-давно в курсе дела.

– Вот-вот, – подхватила Настя. – Но ведь ясное дело, что помощницы иллюзиониста должны быть маленькие-маленькие, тощенькие, словно шпроты, иначе им вдвоем в небольшом ящике не поместиться...

В общем, когда эта Света приехала, Фаина примолкла. И было от чего. Гостя оказалась такой худенькой, такой прозрачной, что на ее фоне бывшая балерина выглядела ожиревшим кабаном. Но, что удивительно, Светлана обладала великолепным аппетитом и не отказывала себе ни в чем. Салат с майонезом? Легко. Жаренная на сливочном масле картошка вкупе со свиной отбивной? С удовольствием. Пара кусков белого хлеба, укрытых салом, щедро посыпанным крупными кристаллами соли? За милую душу. Торты, пирожные, мороженое, шоколад, варенье...

Через два дня Фаина не выдержала и пристала к Светлане, требуя, чтобы та открыла секрет своей худобы. Циркачка сначала не желала откровенничать, ссылаясь на отличный обмен веществ, энергозатратную работу и подвижный образ жизни. Но хитрая Фаина не поверила и, улучив момент, пошарила в комнате госты. Результатом обыска оказалась пластиковая баночка с непонятными таблетками.

Прижатая в угол, Света призналась: она принимает специальное лекарство, сделанное в Юго-Восточной Азии. Что намешано в капсулах, она не знает, но, наевшись от души деликатесов, съедает рекомендованную дозу, и ни один килограмм к телу не пристаёт. Для вечно голодной, не умеющей контролировать свой аппетит Светы средство оказалось панацеей.

Фаина поджала губы, а вечером заявила в спальню к Ми и потребовала:

– Хочу такие капсулы! Купи!

Милада попыталась вразумить старуху, говорила ей вполне разумные вещи:

– Это средство, может быть, вредное... Скорее всего, оно бьет по почкам и печени... В вашем возрасте принимать подобные средства крайне опасно...

Но Фаина вела себя, словно воспитанница детского садика, увидавшая у одноклассника новую игрушку.

– Хочу! – ныла старуха. – Немедленно достань!

Все члены семьи высказали Фаине то, что думали по поводу непонятных таблеток, то есть не рекомендовали ей принимать их. Одна Ника спокойно заявила:

– Незачем волноваться. Желает она травиться – сколько угодно. Помрет, и даже лучше будет, никто потом не станет мою чашку хватать. Да и на похоронах сэкономим: гроб не понадобится, то, что останется от Фаины после отравления таблетками для похудения, поместится в спичечный коробок.

Не успела милая бабушка захлопнуть рот, как разгорелся дикий скандал. Фаину понесло: она каждому высказала свое мнение о его внешности, умственных способностях и поведении. Досталось всем, ехидная Фаина умело наступала на больные мозоли. Лизе она заявила:

– Можешь не стараться, все равно тебя скоро тут не будет.

– Почему? – удивилась жена Кита. – Куда же это я денусь?

– Вон пойдешь, – мило улыбнулась бабуса. – Зря развоображалась. Хочешь мой совет? Потребуй побольше подарков, разведи Ми на брильянтовые безделушки. Когда Кит выпрет тебя, очередную жену, из дома, будет чем утешиться. Чего надулась? Милада дура, она презенты у бывших невесток не отбирает. Вон Наташке машину преподнесла уже тогда, когда та и членом семьи-то не была.

Лиза покраснела и ринулась на Ми.

– Это правда, Наташка получила авто?

– Э... – залепетала Ми.

– Отвечай!

– Ну...

– Не мямли!

– А... а... Ой, я забыла в издательство позвонить! – попыталась вывернуться писательница, устремляясь к двери.

Но невестка мертвой хваткой вцепилась в свекровь.

– Отвечай.

Пришлось Миладе сдаться.

– Да.

– А еще она ей долларов отсыпала, – торжествующе добавила Фаина.

– Наташе квартира нужна, она сейчас живет на съемной площади, – попыталась оправдаться писательница.

– И ты дала ей денег?! – в один голос заорали Лиза с Никитой.

– Нет, – залепетала Ми. – Вернее, да, но в долг, ненадолго.

– А-а-а! – завизжала Фаина. – Бешеные доллары на чужую девку потратила, а мне лекарство не купила!

– Тише ты! – рявкнул на бабулю пришедший в себя Никита. – Мать сама зарабатывает, сама и тратит. Захочет, сгребет все в кучу и подожжет!

На этой фразе Настя, подхватив собак, ускользнула из комнаты. Через несколько дней девочка заметила странное изменение в поведении Фаины: бабка больше не голодала. Наоборот, она просто бросалась на еду, запихивая в себя все, что

лежало на тарелках.

Впрочем, обжорствовала Фаина по-тихому. Когда за столом сидели все, старуха ограничивалась, как всегда, листиком салата. А потом тайком шла в кладовку и оттягивалась от души. Сначала Настя удивилась столь резкой перемене в поведении бабушки Никиты, но потом поняла: та просто получила вожделенные таблетки.

Впрочем, через пару недель секрет стал известен всем, потому что Фаина внезапно упала в обморок и вынуждена была сообщить доктору Андрею Викентьевичу правду. Врач пришел в ужас, прочел престарелой балерине лекцию о вреде нелегальных фармакологических препаратов и отнял у потерявшей разум бабки пилюли. Но не тут-то было! Непонятно каким образом никуда не выезжавшая из поселка Фаина снова обзавелась отравой и... опять свалилась без чувств.

В общем, вот уже полгода, как она тайком лопаёт капсулы, объедается жирной, калорийной пищей, не полнеет и регулярно теряет сознание.

– Откуда же она берет эту гадость? – удивилась я.

Настя замаялась, потом ответила:

– Наши полагают, что Фаине лекарство покупает кто-то из obsługi. Бабушка любит гулять по поселку, разговаривать с охранниками. Так вот один из них небось и работает «курьером». Но у меня иное мнение, только я его никому не говорила.

– Какое?

– Думается, это Ми.

– Милада доставала свекрови крайне вредные пилюли? Зачем? Она что, хотела нанести вред ее здоровью?

Глава 8

Настя стала теребить край кофты.

– Нет, конечно. Просто Ми очень мягкая, у нее все выпросить можно. С другой стороны, она не способна сказать человеку «пошел вон». А Фаина, когда что-то хочет, просто танком прет. Дешевле интриганке навстречу пойти, чтобы отстала. Мама страшно боится всяких выяснений отношений, а еще ей очень хочется быть для всех хорошей, из-за этого и беда получается.

– Ты о чем? – не поняла я.

Настя вздохнула.

– Кит безответственный человек. Он сначала женился на Натке, а потом развелся.

– Ты раньше говорила, что она сама ушла.

– Это верно. Только кто ее вынудил на подобный шаг? – скривилась Настя. – Я бы тоже убежала от парня, который по бабам таскается.

– Кит что, Казанова?

Настя чихнула.

– Еще какой! Делать ему было нечего, а Натка на службе день-деньской сидела. Пока супруга пахала, муженек оттягивался, ну и закончилось красиво: Наташка его с Лизкой поймала. Анекдотическая ситуация. Она, в смысле Натка, в командировку улетела, Кит ее до аэропорта довез, ручкой помахал и – обжиматься в Лизаветой. Только что-то там с самолетом случилось, и рейс отложили на двенадцать часов. Не сидеть же Натке в зале ожидания полсуток... Шереметьево недалеко от нас, она взяла такси и назад прикатила. Входит в спальню, а там – картина Репина... Ромео с Джульеттой... сладкая парочка...

– Представляю, – покачала я головой. – Наверное, Наташа окна в особняке побила.

– Нет, она не такая, – мрачно ответила Настя. – Спокойно так сказала: «Развлекаешься? Ну-ну...» Повернулась и уехала. Ми ее потом неделю искала по Москве. Наташка гордая, ничего не взяла: мобильный, драгоценности, подарки, одежду, машину – все оставила. С Кита как с гуся вода. Мама чуть не плачет, а он так спокойненько сказал: «Не хочет со мной жить? Ну и не надо, до свидания. Одной головной болью меньше. Зачем нам истеричка?» И мигом развелся, стал с Лизкой жить, потом они расписались. Ми страшно переживала: «Куда же Натуся пошла? Квартиры-то у нее нет».

– Наверное, к родителям вернулась, – предположила я.

– Она сирота, – пояснила Настя. – Да еще не москвичка, из какого-то местечка, забыла название, приехала в столицу в институт поступать. В общем, Ми разыскала Натку и стала перед ней извиняться.

– За что?

– Ну... ведь это в ее доме Кит с Лизкой того... самого. Только надо Ми знать – она решила вину перед Наташкой искупить. Сначала ей хоромы сняла, а потом и приобрела их.

– Да уж... – протянула я.

Настя махнула рукой.

– Если я скажу, скольким людям Ми денег в долг надавала, вы не поверите. И ведь ни один не вернул!

– Зачем же тогда она это делала, если видела, что ее обманывают?

Настя стала гладить Чуню.

– К нам один раз пришла Катька Сониная, мамина подруга. Странные, кстати, у них отношения. Они вместе учились, а потом долго не встречались. Сониная

вновь появилась у нас, когда у Ми книги стали выходить. Прируливала с сыночком своим и все говорила: «Ах-ах, Настенька и мой Степочка – чудная пара, по-моему, они друг в друга влюбились!» Меня прямо передергивало, тот Степочка – такая отвратная морда... Ладно, это неинтересно... В общем, как-то раз захожу к Ми в спальню, а она из стола деньги вынимает. Увидела меня, покраснела и давай оправдываться.: «Катюша попросила пять тысяч долларов, всего на месяц...»

Неожиданно Настю охватила злость, и девочка налетела на маму.

– Ни в коем случае не давай, положи деньги назад!

– Настюша, я должна помочь Кате, у нее сложная ситуация.

– Сонины не вернет долг.

– Она честный человек, обязательно отдаст.

И тут Настя окончательно съехала с катушек.

– Аленина тебе что обещала? – зашипела девочка. – А Иванова Нина? Может, еще Вербицкую припомним? Мама, приди в себя, ты опять лишишься большой суммы! Сонины тоже ничего не отдаст.

Милада, сжимая в руках пачку, пошла к двери.

– Немедленно вернись! – велела дочь. – Извини, что так разговариваю, только нет сил смотреть на то, как тебя обижают.

– Настюша, – ласково сказала Ми, – я не могу не дать Катюше деньги.

– Почему?! Скажи: нет свободных средств.

– Но они есть.

– И кто об этом знает?! – возмутилась Настя. – И потом, это ведь твои деньги, почему ты должна с кем-то ими делиться?

– Степа не поступил в университет на бюджетное отделение, – пояснила Ми, – а на коммерческое его берут, но требуют оплатить сразу весь учебный год. Если Катюша не внесет деньги, Степочка окажется в армии, а это опасно, его там убить могут. Катя мне долг обязательно вернет.

– Ми! – взывала Настя. – Ну пожалуйста, включи мозги! Где Сониной деньги взять?

– Вот именно, – радостно подхватила Милада, – очень хорошо, что ты меня поняла! Катюше никто, кроме меня, не поможет.

– Мамочка, – тряхнула головой Настя, – я не о том веду речь. Из каких доходов Сониная планирует отдавать долг, а?

– Ну... она тоже книгу написала, – неуверенно заговорила детективщица, – ей аванс в издательстве выплатят...

– Откуда знаешь?

– Катюша планами поделилась.

– Врет.

– Настя!

– Что – Настя? Она тебя дурит! – сердито воскликнула девочка. – За идиотку держит! Отчего не пошла в банк, а? Можно ведь кредит взять на обучение.

– Там большие проценты, – пояснила Ми. – И потом, ни в одном банке не дадут ссуду.

– Почему же?

– У нее маленькая зарплата, – вздохнула Милада, – прямо копеечная. Из каких средств ей кредит выплачивать?

– Ага! – с торжеством объявила девочка. – Вот мы и добрались до сути! Ясное дело, банкиры люди основательные, ссуду терять не пожелают. А тебе она с каких заработков пять тысяч принесет? Мама, положи деньги назад.

Милада молча приблизилась к двери, потом повернулась и, глядя не мигая в лицо дочери, медленно произнесла:

– Я знаю, что мы с тобой очень похожи, поэтому и говорю сейчас: постарайся меня понять, я не могу не помочь Катюше. Мне повезло, я имею деньги, дом, хороших детей и любящих родственников, а Катюше жизнь сдала иные карты, без козырей. Живет одна, на крохотную зарплату, с больным сыном – у Степы ведь гастрит. Если он погибнет в армии, я потом всю жизнь буду мучиться.

Высказавшись, Милада вышла за дверь. Настя осталась одна в комнате. Сначала девочка хотела броситься за матерью и высказать той и другие, вполне справедливые замечания. Что гастрит – не смертельная напасть. Что Сонины тоже закончила журфак и способна найти прилично оплачиваемую работу, а не складывается карьера в печатных изданиях – пусть идет, раз так уж нужны деньги на сыночка, в богатый дом в гувернантки, хорошо получать станет. И вообще можно было сказать, что Ми незачем испытывать неудобство перед подругой, она не украла деньги у пенсионеров, не выкачала нефть из недр земли, не нажилась на перепродаже электричества, то есть ничего не взяла даром ни у людей, ни у государства, она заработала сама, тяжелым трудом, заплатив все мыслимые налоги...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Бобби» – прозвище полицейских в Лондоне.

2

Сирокко – резкий, жаркий ветер из пустыни.

3

Марсель Пруст, французский писатель (1871 – 1922), не надо путать его с Болеславом Прусом (1847 – 1912), польским романистом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/nebo-v-rublyah>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)